

Гела Стоун

Эксперимент

16+

Гела Стоун

Эксперимент

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51385549

SelfPub; 2020

Аннотация

Восемь ничего не подозревающих землян просыпаются на инопланетном космическом корабле. С какой целью их похитили? Какая миссия возложена на этих, в общем-то, самых обычных людей, и смогут ли они справиться с поставленной задачей? Ведь цена успеха – возвращение на Землю.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	54
Глава 8	67
Глава 9	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Предисловие

Каждый год в мире пропадают без вести миллионы людей. Это происходит не во время катастроф и не в зоне боевых действий, а в мирное время, в больших и маленьких городах, селах и поселках. Люди пропадают самые разные, практически все слои населения и представители всех возрастных групп. Ну что тут сказать? Вариантов исчезновения много, но основных не больше десятка. Это и бегущие из дома по самым разным причинам дети и подростки, это пожилые, страдающие амнезией, люди, склонные выходить из дому и исчезать, это мужья или жены, ушедшие «в ночь», после семейной ссоры. Бомжи – социальная группа людей, передвижения которых вообще отследить сложно, а исчезновение либо не выявляется вообще, потому, что нет заявления, либо устанавливается через продолжительное время. Люди с сомнительной репутацией, бегущие от кредиторов, также склонны внезапно исчезать в неизвестности. А есть еще группа лиц, пропавших без видимых причин. Это когда был человек еще накануне, и видели его все: родные и близкие, сослуживцы и сокамерники. А сегодня уже нет. Исчез, как в воду канул...

Глава 1

«Группа GURE5558914 укомплектована, приготовления завершены, командор» – главный научный сотрудник исследовательской миссии, изучающей поведенческую реакцию высших форм углеродной жизни в этой части галактики Кхан ГвЭ смотрел большим фиолетовым окуляром на плавающее изображение командира флагманского корабля Дэиро Шо. *«Отлично, вы и так задержались на этой планете, Кхан. Отправляемся через пять лун».* ...

Марь Ванна, пятидесяти лет от роду, заведующая хозяйством в одном региональном психоневрологическом интернате, открыла глаза и обнаружила себя, парящей в форме морской звезды. Она находилась в невесомости, в совершенно незнакомой ей обстановке. В полном недоумении она поворачивала голову налево и направо, пытаясь понять, что это может означать... Её окружали многочисленные панели с тихо жужжащими, перемигивающимися разноцветными огоньками приборами, а прямо перед ней располагался большой эллипсоидный иллюминатор, в котором она с удивлением обнаружила мириады сверкающих звезд, щедро рассыпанные на черном полотне космоса. "Так, пришла домой вечером в одиннадцать, ну задержалась с Лидией Тимофе-

евной из процедуры, а куда мне было спешить? диван с телевизором подождут... тем более Николай, сбежал на прошлой неделе к этой молодухе ..., как её там? а черт" – это Марь Ванна, дрейфуя, приложила голову об боковую обшивку с какими-то выступающими металлическими элементами, но отчаянные попытки вспомнить хронологию событий вчерашнего вечера не оставила. "Вспомнила, пили мы с Лидкой что-то, а что пили?.. коньяк, кажется молдавский ... хороший коньяк был, зараза, фельдшерике один из родственников пациента преподнес, она не пьющая, но торговаться горазда, за бутылку Аиста пятилитровую банку подсолнечного масла запросила. А фиг ей с маслом, обошлась парой литров... Ну выпили, закусили, к нам еще инженер Толик заглянул, и его угостили, да и разошлись... Вроде все". На этом ее воспоминания заканчивались и ни коим образом не проливали свет данную ситуацию. В конце концов ей надоело это подвешенное состояние, она попыталась изменить положение своего большого тела и, к удивлению, ей это удалось. В следующий момент выяснилось, что из помещения, где она очнулась, а это был командный отсек космического корабля, есть выход в коридор, она повернулась и подплыла к прозрачным створкам люка. При ее приближении створки бесшумно раскрылись, пропуская ее вперед.

Марь Ванну переполняла широкая гамма чувств от ужаса и паники от неизвестности, в которой она оказалась, до удовольствия от ощущения легковесности собственного те-

ла и неожиданного умения свободно и легко перемещаться в любом направлении. Она продолжала свой путь по огромному безлюдному кораблю, проплывая бесчисленные коридоры с каютами и большие, пустующие отсеки. Каюты все были пусты, несколько раз она попыталась позвать кого-нибудь, но безрезультатно. Через час блуждания по кораблю она научилась использовать большие металлические скобы, одни из тех, об которые ударилась головой в рубке. Они были установлены в каждом отсеке на переборках и в коридорах. Она ловко использовала их для изменения направления движения и придания ускорения своему телу. Везде перед нею послушно расступались створки люков для беспрепятственного движения и , вскоре верхняя палуба была обследована. Несмотря на весь ужас своего положения, в своем блуждании по кораблю она успела изрядно проголодаться, а еды или даже намек на нее нигде не было видно. Наконец, в одном из коридоров она обнаружила двери лифта и таким образом попала на нижнюю палубу. Там она наткнулась на большой отсек, напоминающий столовую в их дурке. Множество столиков со стульями, прочно прикрепленными к полу, вот только едой нигде не пахло. Но на одной из стен сработала система опознавания и тут же призывно замигали большие кнопки с разными картинками. Марь Ванная подплыла поближе и поняла, что этот «шведский стол» включился для нее. Он представлял собой панель, занимающую целую стену. Тут были разноцветные кнопки, расположенные в ряд.

Сверху был ряд мясных блюд с изображением курицы, рыбы, говядины, ниже располагался гарнир: пюре, гречка, рис, макароны и еще много чего, изображенного на кнопках-картинках. Еще ниже ряд с супами, дальше десерты. На другой стене призывно переливалась всеми цветами радуги панель с напитками: чай, кофе, соки, лимонады. Рядом располагалась еще одна панель, но она была не активна, и на кнопках были нанесены неизвестные символы.

Марь Ванна нажала на кнопку с курицей, из панели выехал лоток с прозрачным тюбиком. Сломав колпачок, она осторожно попробовала содержимое. Восхитительный вкус свежеприготовленного цыпленка немного успокоил ее, призрак голодной смерти, маячивший перед ней через несколько часов после пробуждения, уже не выглядел устрашающе. Уж если кто-то позаботился о еде для нее, значит, им не нужна ее смерть, во всяком случае, от голода. Эта уверенность окрепла после того, как она опустошила пару тюбиков со свежайшим паштетом и одним тюбиком с жареным шпинатом. Она еще долго крутилась у панели, пробуя то одно, то другое блюдо, и каждый раз ее восхищал их чудесный вкус.

Наевшись и напившись, она продолжила исследовать корабль, палуба за палубой. В одном из нижних ярусов Марь Ванна наткнула на гигантскую оранжерею: цветы, кустарники, деревья, все это росло, цвело и пахло, где-то рядом журчал искусственный ручей. Тут была гравитация, уже успев от нее отвыкнуть, она резко ощутила большой вес своего тела и

тут же привычно заныли поясница и колени. Но здесь было так замечательно, что она все же задержалась, разглядывая пальму с большими кокосами у самой верхушки. Эти деревья Марь Ванна видела только на открытках или слышала о них от главврача Эммы Павловны, которая пару раз съездила в Египет. Она потрогала ворсистую коричневую крону и провела взглядом до самой верхушки пальмы. Прямо над ней на высоте более десяти метров висел большой кокосовый орех. «Еще в лоб прилетит ...», она поспешно отошла от пальмы. Погуляв еще с полчаса по этому космическому парку и посидев немного на лавочке у пруда, в который впадал ручей, она пребывала в полной уверенности, что кто-то свыше решил подарить ей этот рай. «Интересно кто он? или они? за какие такие заслуги? почему именно она? и почему тут больше никого нет?». В общем, рой вопросов крутился в ее бедной голове и ни на один пока не было ответа. Рассуждения эти были прерваны естественным желанием сходить в туалет. Она покинула оранжерею, и получив возможность снова летать, двинулась на поиски туалета. Собственно туалеты были, как и полагается, в каждой каюте. Кроме того, она располагались на каждой палубе возле больших отсеков, вроде столовой. В общем, туалет она нашла быстро по соответствующему символу на дверях, и была приятно удивлена тем, что ее покровители позаботились даже о том, чтобы этот естественный для каждого из нас процесс, усложненный невесомостью, прошел не только с соблюдением всех сани-

тарных норм, но и с максимальным удобством и комфортом. В общем, через несколько часов, Марь Ванна чувствовала себя Робинзоном на большом, мчащемся в космосе «острове», с той лишь разницей, что у Робинзона на его острове не было кают и круглосуточного питания в режиме «all inclusive». Более того, его остров был полон опасностей, а здесь, на каждом шагу она видела продуманный, практичный комфорт и относительную безопасность. Да, но Робинзон был не один, а тут рано или поздно вынужденное одиночество даст о себе знать, и это Марь Ванна прекрасно понимала. «Эх, Николая бы сюда, дурака моего неверного, жили бы душа в душу, отсюда бы точно не убежал...» с тоской думала она о муже.

Разумеется, что никакой комфорт и хорошее питание ни коим образом не компенсировали отчаяние и страх, которое испытал бы каждый, попади он на место Марь Ванны. Но время шло, и по ее ощущениям, прошло несколько дней, с момента пробуждения на этом корабле, ставшим непостижимым образом ее домом. На одном из верхних ярусов она выбрала себе вполне комфортабельную каюту с большой широкой кроватью, туалетом и душем. Все-таки, что ни говори, а ей тут определенно нравилось... Правда, все тяжелее было втискивать свое изрядно оплывшее жирком тело в душевую капсулу, но, на ее взгляд, это были незначительные трудности.

За двадцать восемь лет их совместной с Николаем жизни,

она так и не познала удовольствия пользоваться элементарными удобствами, не выходя из дому. В туалет она ходили в нужник, построенный еще в первые годы совместной жизни, как временное решение насущной проблемы, а мыться раз в неделю ездили в баню. Обещания мужа так и остались обещаниями. Устав бороться с этим, Марь Ванна смирилась и даже как-бы успокоилась, а все потому, что большую часть времени проводила на работе в интернате, там и наслаждалась удобствами.

Свободное от еды время она проводила на большой обзорной площадке верхнего яруса, где ей открывались фантастические красоты глубокого космоса: большие и яркие звезды, кометы, болиды, ослепительные рукава далеких галактик, все это ежедневно кружилось перед ее взором в вечном завораживающем танце.... Но, как человек приземленный и бесконечно далекий не только от астрономии, как науки, но даже от обывательского интереса к ночному небу, сейчас Марь Ванна воспринимала эту красоту чисто интуитивно, и она ее притягивала и завораживала. По тому, как быстро менялись космические узоры за окном, она понимала, что корабль летит с большой скоростью и не имела ни малейшего представления о пункте назначения. И невдомек ей было, что, собственно, сам ее корабль никуда не движется, а пришвартован в доке гигантской каравеллы, следующей в составе эскадры кораблей, выполняющих исследовательскую миссию в этой части вселенной. Ее корабль был надежно закреп-

лен в доке таким образом, чтобы его иллюминаторы смотрели в открытую часть космоса и не захватывали в свой обзор элементы креплений. Она и понятия не имела о том, каким образом пополнялись запасы пищи на корабле, фильтровалась вода, и очищался вдыхаемый ею воздух, что в то время, пока она находилась на верхних ярусах, нижние подвергались автоматической уборке и дезинфекции, та же ситуация, только с верхними ярусами, происходила, пока она гуляла внизу. Специальные роботы-садовники поддерживали идеальный порядок в оранжерее, а мощные фильтры очищали воду в пруду. За каждым ее шагом следило бесчисленное количество камер, расставленных по всему кораблю, включая душевые и туалетные комнаты. Все ее мысли, чувства, эмоции тут же улавливались сверхчувствительными сонарами и передавались на наблюдательный пункт. Весь этот бекграунд был недоступен ни ее взору, ни ее пониманию. Всю, приключившуюся с ней ситуацию, она воспринимала, как неожиданно подаренный рай, неким могущественным покровителем. И все равно, отчаяние и страх не покидали ее ни на минуту.

Одиночество день ото дня настойчиво давало о себе знать, ситуация усугубилась тем, что однажды, гуляя в нижних ярусах она набрела на люки, которые почему-то не раскрылись перед ней, как это происходило везде на корабле. Ее любопытство только усилилось, когда она заметила на запертых дверях символ, изображающий человеческие силуэты, лежащие горизонтально в ряд. «Странно, что они прячут от ме-

ня здесь? кладбище? или большую общую спальню? ...». В тот раз ей так и не удалось проникнуть, хотя сначала она думала, что сломался элемент, обнаруживающий ее приближение, но нет, эти двери ей не подчинялись. Она пришла сюда на следующий день, тот же результат, и на следующий, и во все последующие дни. Имея в распоряжении неограниченное время, и захваченная идеей во что бы то ни стало попасть в закрытое помещение, она теперь проводила перед запертой дверью дни на пролет. Пыталась открыть руками, выбить плечом, отталкивалась от противоположной стены и пикировала своим немалым весом на двери. Все напрасно, эти двери могли выдержать любую атаку.

«Субъект ZH58966624 длительное время предпринимает попытки проникнуть в зал губернации» – доложил младший научный сотрудник Жас Хе руководителю экспедиции Кхан ГвЭ. В это время Кхан ГвЭ пребывал в состоянии высшего блаженства, погруженный в капсулу с жидким аммиаком, щедро приправленным оксобензизосульфазолом. Все его двенадцать щупалец были необычайно расслаблены, центральный большой окуляр был полузакрыт, остальные три просто спали. Сигнал от Жас Хе он принял телепатически и так же телепатически ответил. *«Открой проход, пусть зайдет»*.

«Неконтролируемое поведение субъекта ZH58966624 может поставить под удар весь ход эксперимента» – робко

попытался возразить Жас Хе.

«Ты вынуждаешь меня напомнить тебе о том, что согласно условиям контракта, подписанного с межгалактической телекорпорацией ZYTR, между прочим финансирующей весь этот проект, мы беспрепятственно предоставляем им все наши исследовательские материалы, связанные в этом экспериментом. Да будет тебе известно, что пилотная серия шоу с участием ZH58966624, транслируемая на сотни миров, побила все рекорды, триллионы жителей Империи с нетерпением ждут продолжения, а некто младший сотрудник Жас Хе вознамерился помешать этому???
Немедленно открой эту чертову дверь и не беспокой меня больше по пустякам!!!»

Глава 2

Марь Ванна открыла глаза, взгляд ее привычно уперся в переборку над головой. В условиях невесомости, она пристегивалась к кровати и неизменно просыпалась в позе морской звезды, других поз тут и быть не могло. Уже много дней она следовала установившемуся режиму дня. Туалет, душ, завтрак и еще пару тюбиков с собой, чтобы не носиться туда-сюда, и к загадочной двери, которая никак не хочет открываться. «Сегодня мне повезет» - подбадривала она себя, «Должна же эта чертова дверь когда-нибудь открыться!». Её мыслеобраз был немедленно зафиксирован невидимым сонаром и передан в наблюдательную рубку. Жас Хе вздрогнул и дал приказ снять блокировку. Не успела Марь Ванна подплыть к заветному люку, как дверцы, много дней подряд выдерживающие удары ее массивного тела послушно разъехались в стороны.

– Вот, я же говорила, мне сегодня повезет!!! – закричала она в пустоту.

Медленно дрейфуя и оглядываясь по сторонам, Марь Ванна вплывала в помещение. Это был полутемный большой отсек с высоким куполом. Откуда-то сверху лился сине-голубой свет. При ее появлении свет стал гораздо ярче, помещение осветилось, и в центре зала она увидела четыре большие камеры гибернации и рядом с ними одну маленькую. «Все-

таки кладбище...» – мрачно подумала она, осторожно подплывая ближе.

Первая камера представляла собой большую капсулу с полусферическим прозрачным окошком, в котором Марь Ванна разглядела мужское лицо. Ей вдруг на ум пришло слово «богоподобный». «Покойник» был невообразимо красив. Волевой подбородок, четкий контур губ, чувственный рот, прямой нос, скульптурные скулы, большие закрытые миндалевидные глаза, густые черные локоны, ниспадающие на лоб и рассыпавшиеся по подушке. Заглядевшись, Марь Ванна проглотила слюну, представив себе все его тело, скрытое в камере. «Как же жаль»: заохала она и поплыла к следующей камере.

Вторым «покойником» тоже был мужчина, пожилой, лет 65-ти. Жидкая седая бороденка, высокие восточные скулы, кустистые, насупленные брови, большой нос, обиженные, поджатые тонкие губы. В момент «смерти» он явно был чем-то очень недоволен. Особого интереса Марь Ванны этот субъект не привлек, и поэтому она поплыла дальше.

Третьей по счету была камера с окошком, в котором Марь Ванна разглядела женское лицо.

Молодая, привлекательная, короткие, выющиеся светлые волосы, упрямый разлет бровей, пухлые губы, вздернутый, аккуратный носик. Чем – то она отдаленно напомнила Марь Ванне одну американскую актрису, она даже вспомнила передачу, где этой актрисе Оскар дали, а за что давали уже не

помнила. Освещенная бледно голубым сиянием, красавица безмятежно спала. Будь в Марь Ванне хоть капля креатива, она бы живо представила себе сцену из какого-нибудь гипотетического голливудского фильма, снятого по мотивам стихотворений А.С. Пушкина с юной Шарлиз Терон в роли царевны, спящей в хрустальном гробу в ожидании чудо-поцелуя. Но креатив и Марь Ванна жили по разные стороны вселенной и никогда не встречали друг друга, поэтому спящая девушка, напомнившей ей именно Шарлиз Терон, так и воспринималась ею, как просто красивая девушка.

«За что же их всех, господи??» – искренне сокрушалась Марь Ванна, переходя от одной камеры к другой. «А меня зачем пожалели?» – задала она сама себе вполне резонный вопрос.

В четвертой камере лежал мужчина средних лет. Это лицо могло принадлежать кому угодно: от муниципального сантехника до светила мировой нейрохирургии. Сухое, обветренное, без растительности, ежик выгоревших волос, некий намек на брови и ресницы, все бы ничего, но было нечто злое в его облике. То ли ниточка рта, застывшего в недоброй усмешке, то ли трещинки морщин, идущие от носа к уголкам рта... Марь Ванна задержалась немного над ним и поняла, что же ей не понравилось: вокруг рта и кое-где на скулах имелось множество маленьких черточек – шрамов. Не понятно, были ли это осколочные ранения, или резаные раны. В общем, обладатель этого лица хранил какую-то тай-

ну, которую, по мнению, Марь Ванны, он так и унес с собой в могилу.

Заметив последнюю маленькую камеру, Марь Ванна охнула: «Неужели ребенок?». Но, подплыв поближе, заметила в окошке черную собачью мордочку. Она не разбиралась в породах, для нее все собаки делились на большие и маленькие, так вот, эта была из маленьких. Но собак она любила, тем более, что в их доме собаки были всегда. Она вспомнила своего Пирата, «немца», подаренного ей с Николаем восемь лет назад кем-то их знакомых, и в душе ее черной волной поднялась тревога. «Как он там без нее? Кто его кормит?»

Она еще раз обошла этот загадочный зал с саркофагами, в голове томился рой вопросов, но ни на один из них у нее не было ответа. У изголовья каждой камеры находилась приборная панель с датчиками состояния основных показателей организма спящих. Большая красная клавиша запускала процесс пробуждения. Особую жалось у Марь Ванны вызвала мертвая собачка, причем ее мало беспокоил вопрос, почему собака была похоронена вместе с людьми, она вообще, после того дня, когда проснулась на корабле перестала чему-либо удивляться. Ей почему-то очень захотелось погладить эту бедную собачку, не останавливало даже то, что собака, по ее мнению, была мертва. Истосковавшаяся по общению, и доведенная до отчаяния своим одиночеством она, недолго думая, нажала на красную клавишу.

На приборной панели наблюдательного пункта замигал светодиод. «Активирован субъект SW 66655884» через секунду доложил младшему научному сотруднику Жас Хе дежурный оператор. Далее по телепатическим каналам связи информация распространилась на все уровни иерархии вплоть до Кхан ГвЭ. «Ну, хоть какая-то интрига...» – вяло мелькнула его мысль, услышанная, по меньшей мере, сорока его подчиненными. «Продолжать наблюдение» – приказал он.

Камера с собачкой ожила, послышался тихий свист, и крышка с полусферическим смотровым окном плавно поехала вверх и вправо. Собака китайской породы мопс, поджав задние лапы, неподвижно лежавшая на боку, в отсутствии гравитации начала плавный подъем вверх. Марь Ванна не решалась к ней прикоснуться. Наконец, когда собачка поравнялась с ней, она протянула руку и погладила по слегка влажной абрикосовой спинке. Странно, но плоть дрогнула под ее рукой, собачка дернула короткой плоской мордочкой и открыла глаза. Марь Ванная, глядя на беспорядочно перебирающего лапками мопса, поняла, что люди в камерах просто спят. Это дало совершенно новое направление потоку ее мыслей. Одиночество, как мрачная перспектива ее будущего, медленно таяло в лабиринтах сознания. Она еще раз прошла вдоль камер со спящими людьми. Мысли ее напряженно работали. Невидимые сверхчувствительные со-

нары, улавливающие малейшее изменение потока нейронов в ее мозгу, преобразовывали эту информацию в мыслеобразы и передавали ее в наблюдательный пункт, находящийся на борту каравеллы, а дальше закодированный сигнал транслировался на мощнейшую приемную антенну межгалактической телекорпорации ZYTR . И уже оттуда, что называется в прямом эфире, раздавался по бесчисленным телепатическим каналам связи триллионам жителей Империи, простирающей свои владения более, чем на сотни звездных систем. Марь Ванна еще только подумала о том, кого из спящих она будет будить первым, а в системе, известной нам как Бетельгейзе, уже вовсю принимались ставки от многочисленных «зрителей».

Первой ее мыслью было разбудить всех одновременно. Но, Марь Ванна медлила, схватив бедолагу мопса под мышку, она проплывала над спящими, еще и еще раз вглядываясь в незнакомые лица. Далекая от аналитического размышления, она могла полагаться только на интуицию, которая подсказывала ей, не торопиться, все еще раз обдумать. Потому, что обратного хода в данной ситуации быть не могло. Разбуженный ею человек становился таким же жителем это космического оазиса, как и она сама. И поместить его обратно в капсулу гибернации (в ее сознании фигурировало слово «гроб») у нее, разумеется, не было возможности. И она не подозревала о том, что те, у кого такая возможность имелась, сейчас пассивно наблюдали за ходом ее мыслей и активно

делали ставки. Кроме того, Марь Ванна, вполне допускала ситуацию, что это могли быть не такие же потерпевшие, как и она сама, а люди, похитившие ее, и летевшие теперь вместе с ней в одном, только им ведомом направлении. Очевидная абсурдность этой версии тут же была подкреплена рациональной мыслью: «Ну кому я на хрен сдалась...» и «Почему они все спят, а я нет?». Первую мысль сонары передали с опозданием в 0,0003 секунды, затратив несколько больше мощности на расшифровку мыслеобраза. В любом случае, Марь Ванна резонно допускала, что спящие могут оказаться враждебны, как по отношению к ней, так и по отношению друг к другу. И поэтому сегодня она решила никого не будить, еще раз все хорошенько обдумать, а пока довольствоваться обществом милого песика, тем более, что песик был с ней на удивление ласков.

Последующие несколько дней Марь Ванна и ее новый четвероногий друг провели, не расставаясь ни на минуту. Мопсик, как и положено любой собаке, хотел видеть в человеке любящего и заботливого хозяина, а Марь Ванна, в свою очередь, старалась найти в собачке хоть какую-то отдушину от растущего чувства одиночества. Песик оказался сухой и получил кличку Дана. Утром они шли завтракать, причем любимым лакомством Даны оказался паштет. Все бы ничего, но Дана не умела пользоваться человеческими туалетами, а ловить летающие по кораблю собачьи экскременты и пузырьки мочи было для Марь Ванны не самым приятным занятием.

И тогда она придумала следующую схему. Выводить с утра Дану прогуляться в парк, где гравитация была всегда, причем псинка облюбовала именно пальму, привлекающую внимание Марь Ванны в первый день ее пребывания на корабле, а уж после ходить на завтрак. Далее шли прогулки по многочисленным отсекам, обзорному мостику. Пару раз они забредали в командный отсек. Вообще, Марь Ванна старалась туда не заходить, она понимала, что корабль, летящий по какому-то заданному «покровителями» маршруту, полностью автоматизирован, и ее участия, даже если бы она располагала хоть какими-то знаниями в этой области, не требуется. Кроме того, она смутно осознавала, что существа, создавшие этот корабль, поместившие в него людей, и отправившие его по некоей траектории, располагают немалыми техническими знаниями и возможностями, и такой фактор, как искусственная гравитация, едва ли не является для них проблемой, тем более, что в парке была постоянная гравитация. И все же она была рада тому, что на остальной территории корабля гравитация отсутствовала, причиной этой радости был ее излишний вес. Создай они земную гравитацию на остальном корабле, ей пришлось бы весьма и весьма ограничить зону своих перемещений, в силу тут же возникшей боли во всем теле. Но при этом посещение парка входило в ее ежедневный моцион....

Глава 3

Со временем, маленькая преданная Дана, оказалась слабым утешением от одиночества по сравнению с находящимися рядом спящими людьми. Мысль разбудить хотя бы одного из них не давала ей покоя ни днем, ни ночью. Но, пробуждение одного из них, было равнозначно пробуждению всех остальных. «А что если первым разбудить красавчика?» – думала Марь Ванна. О нет, она не питала иллюзий относительно своей женской привлекательности, и перспективы романтических отношений с этим молодым человеком, просто из того выбора, который ей был предоставлен, «красавчик» казался самым подходящим кандидатом на то, чтобы развеять ее тоску и одиночество. И выбор, кого будить следующим она собиралась тоже оставить на его усмотрение. Разумеется он разбудит «красотку», по – другому и быть не могло, резонно полагала она. Собственно «красотку» она и сама могла разбудить, почему бы и нет? Примерно в таком русле протекал поток ее мыслей, а о двух других спящих она и не думала.

И вот, Марь Ванна снова оказалась в отсеке гибернации. Она еще раз прошла вдоль капсул со спящими, вглядываясь в их безмятежные лица. Потом приблизилась к капсуле «красавчика» и нажала красную кнопку.

А где-то, в десятках сотен световых лет, от места описываемых событий, азартные жители Империи, обожающие делать ставки на различных реалити – шоу, приобретали и теряли состояния. Кого-то этот жест Марь Ванны послал в глубокую нищету, а кого-то обеспечил безбедной жизнью на несколько поколений.

Яков Михайлович Бережа, 37 -летний топ-менеджер, одной из дочерних предприятий крупной нефтедобывающей компании, проснулся в струях голубого света под куполом огромного зала. Он улыбнулся, закрыл глаза и продолжил свободное парение. «Какой-то замечательный сон, и такой реалистичный?» – спокойно размышлял он. «Макс, затейник, неплохо вчера посидели». Мысли его текли однотонно и расслаблено. Ему хотелось так парить вечно... Вдруг кто-то бесцеремонно дернул его за ногу. Он открыл глаза, и в поле его зрения всплыла полная, пожилая женщина. Сквозь щелочки ее улыбающихся глаз к нему струилось дружелюбие и почти материнское обожание. В следующий момент, ласковая толстуха, тряхнув его еще раз, заняла все пространство его сна.

– Привет- сказала улыбающееся лицо – Я Мария, но можно Маша.

Яков Михайлович все еще бессмысленно таращился на нее, досада и злость поднимались в его душе. «Что эта баба делает в моем сне?».

– Почему вы меня все время трогаете? – спросил он полусонно, оттолкнув ее при этой ногой.

А в силу того, что их тела были из совершенно разных весовых категорий, действие его возымело обратный эффект. В следующую секунду он отлетел в противоположную от направления удара сторону, и больно ударился спиной о переборку. Это его разбудило и разозлило окончательно.

Он дернулся еще раз, понял, что не спит и стал с ужасом озираться по сторонам, но кроме планирующей неподалеку, одетой в балахон женщины, никого не увидел.

– Где я? – в панике спросил он

– На космическом корабле, куда летим – не знаю, время тоже не знаю, по моим ощущениям неделя, может две.

Что за бред? – возмутился разбуженный – самый идиотский глюк в моей жизни!

«Макс, придурок, видно мерзость вчера притащил...» – с досадой подумал он о любовнике...

– Ты не спишь, мы действительно в космосе – Марь Ванна продолжала любоваться «богоподобным», но уже без особого фанатизма.

Она собиралась оставить его тут и пусть он сам разбирается с возникшей ситуацией, в конце концов, положение дел она ему уже сообщила, но в последний момент заметила, как он рассматривает лица в остальных камерах губернии.

– Ты знаешь кого-нибудь из них? – спросила Марь Ванна.

– Нет, никого не знаю. Так это все правда что ли?! – страх,

паника, ужас, все смешалось в этом крике.

– Да дорогуша, добро пожаловать в ад – мрачно сказала Марь Ванна, и створки люка бесшумно закрылись за ней.

– Стой..те – Яков кинулся вслед за Марь Ванной, но у люка он оказался не скоро, сказывалось отсутствие опыта передвижения в невесомости.

Он догнал ее в коридоре, неуклюже барахтаясь и постоянно стучаясь различными частями тела о переборки. Марь Ванна с Даной под мышкой сочувственно смотрели на него.

– Здесь всегда так? – спросил он

– Как?

– Ну... как это? ... невесомость! – вспомнил он

– Тут везде кроме парка, тебя как звать-то?

– Яков

– Яша значит, ну пойдем, покажу тебе твой новый дом ...

– А вас как звать?

– А я уже представлялась ...– она посмотрела на него с укоризной – Мария меня зовут

– А по отчеству? – Яков решил добить ее окончательно.

– Ивановна-с вызовом бросила она.

– Марь Ванна, а что за балахоны на нас? – спросил он как ни в чем не бывало

«Эх, надо было девку будить, толку от этого охламона с гулькин нос, завтра же пойду и разбужу ее»

– подумала Марь Ванна, а вслух произнесла:

– Это одежда была с первого дня, она удобная, просто при-

выкнуть надо, и выдают свежую каждый день, как проснешься.

Она повела его на верхние палубы, показала каюты, смотровую площадку, затем они спустились в столовую. Яша, находясь в стрессе, съел больше обычного, перепробовав массу блюд, затем обратил внимание на правую от основной рабочей панели неактивную до сих пор панель с незнакомыми символами. С минуту он просто рассматривал немигающие клавиши ... И вдруг, как по мановению волшебной палочки, а на самом деле по приказу Кхан Гвэ снять блокировку с этой панели, кнопки призывно замигали разными цветами.

Марь Ванна тоже заинтересовано подплыла и зависла рядом. Яша наугад нажал клавишу. Выехала панель с тубиком. Это был прозрачный 100 мл тубик, заполненный коричневой жидкостью. Яша надломил носик и осторожно поднес ко рту. Этот запах он не перепутал бы ни с чем. Жидкость обожгла горло и горячей волной устремилась в желудок, оставляя после себя благородное послевкусие и букет ароматов. Это был первоклассный виски, уж в чем в чем, а в этом Яша знал толк.

– Ммм ... то, что сейчас нужно – он вмиг опустошил один тубик и потянулся за вторым – интересно, какие тут запасы? – заинтересовано спросил он сам себя.

Марь Ванна решила попытаться счастья с другой клавишей, и ей досталась отличная пшеничная водка. Ее вполне устроил такой расклад, и она решила не отставать от Яши.

Через пару часов они оба находились в парке. Марь Ванна, находясь в изрядном подпитии, полулежала в позе нимфы на широкой скамье возле журчащего ручейка. Рядом с ней, ближе к воде сидел на земле полупьяный Яков. «Интересно, а дурь тут тоже имеется? Если да, то наверняка такая же качественная, как и бухло...» – мечтательно думал он.

–Эх, Яшка, в каждой ситуации, даже в такой безнадежной как наша, нужно уметь видеть приятные моменты – философствовала Марь Ванна, призывно откинувшись навзничь и свесив одну ногу.

Это был уже не первый ее «заход» на попытку склонить красавца к интиму. Но увы, она бы его не заинтересовала и в «мирное время», а сейчас, в состоянии стресса, только вызвала раздражение. Уставшая от непонимания Яши, Марь Ванна встала и, покачиваясь, двинулась к нему. Яша успел повернуть голову и откатиться, и Марь Ванна, целившаяся в него сложенными в трубочку губами, плюхнулась лицом в клумбу. В следующий момент, она пьяная и разъяренная что-то кричала ему о вынужденном одиночестве и мужском внимании. Он спокойно встал, отряхнулся и, глядя на нее осоловевшими глазами, сказал: «Вы себя когда в последний раз в зеркале видели?». С ее стороны последовала новая волна истерики, но Яша даже не обернулся. Двери люка бесшумно закрылись за ним. Пьяные слезы текли ручьями, Дана не успевала их слизывать. Оскорбленное женское достоинство взывало к справедливости. Держась за скобы-поручни на пе-

реборках, она медленно двигалась в сторону своей каюты. «Вот, проснусь, завтра и убью его...» – успокаивала она сама себя. Ночь она провела беспокойно, ей снился предательски сбежавший после долгих лет брака, муж Николай. Он сидел совершенно голый на широком диване. На коленях у него располагались такие же голые, как и он, молоденькие девицы, и хихикали, глядя на нее. А ее Николай, поглаживая грудь одной из них, улыбался ей с издевательским прищуром.

Марь Ванна мученически простонала и проснулась. Полежала с минуту: та же постель, тот же потолок в ее каюте. Но что-то было не так. Она повернула голову, подбежала Дана и привычно лизнула ее в нос. И тут до нее дошло. Она больше не парила, пристегнутая ремнями к постели. В каюте была гравитация! Она все-таки встала, сделала несколько шагов на тяжелых ногах в сторону ванной. Утреннее отражение в зеркале напомнило ей о возрасте и вреде пьянства. В голове звенело, во рту был отвратительный привкус, к тому же она вспомнила, как по-идиотски вела себя с Яковом, и как он унизил ее своим отказом. «Поделом тебе, старая ты корова...» – сказала она своему отражению. Она вышла из каюты, и пошла вниз завтракать. Гравитация была везде, во всех коридорах, всех отсеках. Путь до столовой показался ей бесконечно долгим, а вот Дана легко и с удовольствием бежала рядом с хозяйкой, забегала вперед и ждала, пока та поравняется с ней. Яши в столовой не было, она взяла себе

еду, тарелку и приборы, уселась за столик и в первый раз за все время пребывания на корабле, позавтракала как на Земле. В этом было какое-то, слегка забытое, особое наслаждение. Дана ела свой любимый паштет тут же на полу. Задумчиво нанизывать еду на вилку, пить не спеша, отхлебывая из стаканчиков. Марь Ванна ела сегодня без особого аппетита, мысли ее были посвящены возникшей вдруг гравитации, и ее появление она связывала с пробуждением Якова. Не успела она подумать о нем, как он возник в дверях. Высокий, атлетически сложенный, с влажными колечками черных волос, зачесанных назад, видимо, сразу после душа. Их взгляды встретились, Яков слегка кивнул Марь Ванне и подошел к панели с едой. Не сводя глаз с его мускулистой спины и подкачанных ягодиц, она в сотый раз с тоской подумала: «Эх, где мои 25 лет?».

Яков взял еду и присел за соседний столик.

– Марь Ванна, а вам тут спортивный зал с тренажерами не попадался?

– Это ты так подшучиваешь над моей полнотой? – в ней смутно поднималась обида, «мало ему вчерашнего унижения что ли?».

– Я и не думал шутить, в той жизни ... ну, на Земле, я постоянно ходил в зал, и подумал, уж если они о нас так заботятся, может и зал тренажерный имеется?

– Не встречала.... А гравитация откуда взялась?

– Я запустил, нашел командный отсек и включил. Так ведь

привычнее, и мышцы работают.

«У кого-то мышцы работают, а у кого-то поясница отваливается ...» – угрюмо подумала она.

– Марь Ванна, вот вы говорили, что пару недель тут, а кто-нибудь с вами пытался контактировать?

Она пожала плечами:

– Нет. Я же тебе вчера все рассказала, как уснула дома в Актюбинске, а проснулась тут.

– У меня та же фигня, только я уснул в Москве. Марь Ванна, я думаю разбудить остальных, может быть, кто-то из них что-то знает?...

– Я бы никого не будила, но разве я могу тебе помешать? Делай как знаешь, но того типа я бы поостереглась...

– Какого?

– Есть там один...

– Если хотите, пойдем вместе.

Двери зала губернии бесшумно растворились, пропуская их обоих. Яков обошел оставшиеся капсулы. Остановился возле камеры человека со шрамами, и обратился к Марь Ванне:

– Вы про него говорили?

Она кивнула.

– Я бужу всех – он поочередно нажал красную клавишу на всех трех камерах.

Глава 4

Согласно теории 6 рукопожатий, все жители Земли знакомы друг с другом косвенно, через 5 предыдущих подуровней. Но остальные трое проснувшихся в зале гibernации были незнакомы ни между собой, ни с теми, кто их разбудил. Возможно, выявление общих знакомых ожидало их в ходе обсуждений этой темы в будущем. Но так или иначе, «материал», собранный для исследований и помещенный на этот корабль-тренажер, подбирался самым случайным образом.

Проснувшуюся девушку звали Алиса Корнеева, 27 лет, фитнес – тренер из Саратова, точнее, была фитнес – тренером. На Земле оставила 2-летнюю дочь Аришу, мужа – автослесаря Владика и один незакрытый кредит.

Пожилой мужчина, Ринат Каримович Зенбулатов, 68 лет от роду, житель Нижнекамска, пенсионер, вдовец, отец двух дочерей и дедушка трех внуков. После знакомства с остальными, то ли в состоянии стресса, то ли из принципиальных соображений, обозначил свою политическую принадлежность, как ярый приверженец коммунистических взглядов. Впрочем, тут же сник, поняв, что политических оппонентов среди проснувшихся не имеет.

Третьим проснулся 41 летний житель солнечной Абхазии Заур Жанба. На момент помещения в капсулу, находился в одной из мордовских ИК на предмет четвертой «отсидки»

по статье 158 УК РФ кража с отягчающими. Единственный из проснувшихся, кто вдохновенно и с эмоциональный подъемом воспринял смену места обитания.

Ринат Каримович довольно быстро привык к обстановке, единственное, что удручало пенсионера, это тоска по родным и отсутствие политических новостей с родной планеты. Впрочем, он с удовольствием увлекся созерцанием непрерывно меняющихся космических красот за бортом звездолета.

Ну а Заур, по собственным ощущениям сменил одну камеру на другую, гораздо более просторную, роскошную, с отличным питанием, качественным алкоголем и фантастическими видами.

«Субъекты SZD455699636 , звуковая идентификация в диапазоне 20 Гц-15 кГц "Я-К-О-В", и WGF444556669 , звуковая идентификация в диапазоне 20 Гц-15 кГц "З-А-У-Р", злоупотребляют жидкостями с содержанием этанола с панели h. Последние анализы показали значительное уменьшение количества гепатоцитов в печени и отклонения показателя билирубина от референсных значений. А так же наблюдается угнетение центральной нервной системы, и ряд тревожных симптомов в поведении испытуемых. Эмоциональная подавленность, различные тревожные состояния, скрытая агрессия, повышенное потоотделение, тахикардия. Рекомендую минимизировать, а лучше полностью

прекратить выдачу спиртосодержащих напитков. Предлагаю признать исследования в области потребления спиртосодержащих веществ и влияния их на организм испытуемых в целом завершенными и заблокировать панель Н» младший научный сотрудник Жас Хе.

Кхан ГвЭ с минуту смотрел не мигая, потом головогрудь его внезапно побелела, раздался резкий хлопок, и в телепатическом эфире повисла плотная мутная пелена. Шеф делал так всегда, когда требовалось некоторое умственное напряжение. Жас Хе тихо ненавидел эту его привычку, но терпел с покорностью подчиненного. Через минуту пелена рассеялась и перед подчиненными предстала новая молодая головогрудь Кхан ГвЭ, оттенка спелого апельсина.

– Мда ... статистика по другим группам испытуемых в части потребления спиртосодержащих веществ еще более настораживающая. А в группе ЛдЭ Жо двое испытуемых в коме, руководство это не обрадует. Заблокируйте эту панель, больше ни грамма спиртного. И вот еще что, основываясь на информации, полученной от мыслеобразов Якова и Заура, мы начали разработку проекта "Дурь", и планировали вводить к эксплуатации панель Q с образцами этих химических соединений. Так вот, я приказываю его тоже заблокировать, мне коллеги со стационарного пункта дали свои данные наблюдений, длительное потребление этих соединений ведет к неминуемой гибели испытуемых, а мы не можем рисковать проектом.

– Слушаюсь

– А как они себя ведут в целом?

Жас Хе медлил:

– Им явно нечем себя занять, потребление пищи, спирта и совокупления, вот основное их занятие

– Ну это базовые элементы их поведения. Проконтролируйте нежелательные последствия этих совокуплений, их возможное потомство не входит в область исследований. Хотя некоторую перспективу в этом я все же усматриваю. Опять же, только после одобрения сверху.

– Все меры уже предприняты. Кроме того, общий эмоциональный фон тоже оставляет желать лучшего, превалирующее настроение могу охарактеризовать как подавленное, сказывается вынужденная изоляция, тревога за свое будущее и отсутствие психоэмоциональных связей с генетически схожими субъектами, оставшимися на их родной планете.

– Ну что ж, будем разнообразить их досуг, тем более что по данным источника из телекорпорации ZYTR, намечается некая тенденция на падение рейтинга их шоу, жители империи начинают терять интерес. А мы не можем допустить, чтобы ZYTR свернула финансирование проекта. Дайте им все, что они хотят, и что не нанесет вред их здоровью, сделайте их максимально счастливыми, насколько это позволяет ситуация, в которую мы их поместили.

Глава 5

Шла вторая неделя по земному времени, со дня пробуждения всех пятерых членов команды. За это время их взаимоотношения сложились самым причудливым образом.

Марь Ванна, наконец, нашла себе друга в лице Рината Каримовича. Они проводили вместе достаточно много времени, чтобы рассказать друг другу все о себе и о своей жизни на Земле. Марь Ванна не разделяла его политических взглядов, но всегда эту тему обходила стороной. Она как-то пыталась объяснить Каримычу, что в той ситуации, в которой они сейчас пребывают, его воззрения на политическое положение в стране, которую, они с высокой долей вероятности, никогда больше не увидят, информация, мягко говоря, не актуальная. Но Каримыч стоял на своем, и она оставила его в покое. Откровенно говоря, ее интересовал иной аспект их отношений, но, в силу возраста Каримыча разговор об этом показался Марь Ванне не уместным, особенно после того, как он мягко отклонил ее приглашение провести ночь в ее каюте.

С Алисой все было трагичнее и сложнее. Ее мучили воспоминания о безвозвратно потерянной дочери, о неизвестности их дальнейшей судьбы. Если бы не Марь Ванна, она бы сутками сидела безвылазно в каюте без еды. Однажды Марь Ванна предложила оставить у нее Дану, тем более, что собака тоже "прикипела" к Алисе. Так, Алиса стала новой хо-

зайкой Даны. С тех пор ей приходилось ухаживать за Даной, кормить, выгуливать в парке.

Лучше всех чувствовал себя Заур, он быстро оценил ситуацию. Непосредственной угрозы своей жизни и здоровью он не видел. Его вполне устраивали более чем комфортные условия пребывания на корабле. Единственный вопрос, который не давал покоя ни ему, ни всем остальным членам команды – это даже не "куда мы летим?", а "что с нами всеми будет?".

Каждое утро, приблизительно в одно и то же время, все они, кроме Алисы, встречались на завтрак, перебрасывались односложными замечаниями по поводу безвыходности сложившейся ситуации и неизменно приходили к выводу, что должны найти в себе силы как-то жить дальше. Через некоторое время, окончательно пообвыкнув, Заур решил, что для полноты жизни на корабле ему не хватает секса. Однополый коитус на зоне был для него скорее вынужденной мерой, чем приоритетом. И поэтому, очутившись на корабле, он отдал предпочтение молодой женщине Алисе. Ситуация несколько осложнялась тем, что в данный момент подавленное психоэмоциональное состояние Алисы, ну никак не располагало к сближению. Удивительно, но он не испытывал потребности как-либо форсировать события, или прибегать к насилию. Поняв, что в их маленьком коллективе конкурентов у него нет, он просто решил подождать. И пока Алиса медленно приходила в себя, его вполне устраивало общество

Марь Ванны, тем более что та вовсе не была против, хотя и откровенно побаивалась Заура. Он приходил к ней каждый день, примерно через час после ужина. Деловито, практически в полном молчании, без прелюдий и лирических отступлений, они занимались сексом. Потом, так же молча, Заур натягивал свой комбинезон и уходил тихо, по-воровски. Конечно, как и любой женщине, Марь Ванне хотелось хоть немного романтики, хоть немного душевного тепла. Поначалу ее оскорбляло потребительское отношение к себе. Она даже пыталась отказать ему, ввалившемуся однажды к ней в каюту, нетрезвому, наглому и напористому, а потом она поняла, что другого ждать было бы наивно и глупо. Каримыч, видимо, «отстрелялся» еще на Земле, ну а Якова она не интересовала в принципе. При таком скудном раскладе, выбрать не приходилось. По взглядам, которые Заур кидал на Алису, изредка появлявшуюся в столовой, Марь Ванна поняла, что и эти не богатые на романтику встречи тоже скоро закончатся.

Яков, так и не нашедший среди товарищей по несчастью хоть кого-то, кто понимал бы его сложную неоднозначную натуру, в итоге оказался в аутсайдерах. «Толстуха» видела в нем только резвого жеребца, Каримыч его тихо бесил манерой высказываться и вешать ярлыки на все, что видели его глаза, и о чем он и понятия не имел. А еще Каримыч напоминал Якову вице-президента головной компании, с которым они пересекались раз в месяц на крупных заседаниях. Бо-

рис Львович, солидный, в летах, вовремя, еще в начале 90-х удачно вписавшийся в изменившуюся экономическую конъюнктуру, благодаря сохранившимся партийным связям, занимал высокий пост в компании. Кресло под ним стояло надежно, словно бы на века. Получивший экономическое образование еще в 70-х годах, довольно средний управленец и еще более слабый специалист в части понимания процессов нефтедобычи и нефтепереработки, он, тем не менее, принимал активное участие во всех заседаниях, и как докладчик и как участник дискуссий. Слава богу, его бумажная деятельность имела мало отношения к реальному положению дел в компании, а его мнение имело минимальное влияние на принятие тех или иных ответственных решений. Этаким «свадебный генерал», которого все терпели, из-за покровительства высокого патрона, с кем их объединяло общее партийное прошлое. Так вот, этот Борис Львович, решил, что может, как старший по возрасту и по занимаемой должности, указывать Якову на некоторые его профессиональные огрехи, которые случаются у всех в их повседневной работе. «Я хотя бы работаю, а ты чем занимаешься, старый ты болван?», думал Яша, но, помня о его неприкосновенности, горячо благодарил Бориса Львовича, за то, что вовремя заметил и направил младшего товарища по правильному пути. И теперь тут, на корабле нашелся такой же «учитель», который учил всех и вся тому, о чем и понятия не имел.

С Зауром у Якова тоже были сложности. Он его откровен-

но сторонился и старался общаться с ним по минимуму. Заур наметанным взглядом быстро распознал в Якове гея, и в силу привычек, глубоко вошедших в него еще со времен первой отсидки, начал демонстрировать по отношению к Якову превосходство и презрение, как к представителю низшей касты. Яков, был слишком умен, для того, чтобы объяснить «уголовнику» насколько искажено его представление о мире людей вне зоны. Зона вырастила и воспитала его таким, и теперь ничто не могло заставить Заура изменить свои взгляды. Яков все это осознавал и пока спокойно сносил такое отношение, понимая, что терпения его хватит ненадолго. Он был моложе, сильнее, на голову выше и тяжелее, при желании, он мог бы быстро и популярно объяснить Зауру, насколько тот не прав по отношению к нему. Но решил не доводить пока до крайности и занять позицию стороннего наблюдателя. Вот приблизительно такая обстановка царил в команде на четвертой неделе путешествия в неведомое.

Глава 6

Так уж повелось, что раньше всех просыпался Яков. День его начинался с пробежки по длинным, извилистым коридорам верхней палубы, потом был душ и завтрак. В попытке хоть как-то структурировать свой день, он шел наверх в зал панорамного обзора, виды дальнего космоса всегда действовали на него успокаивающе. К чему переживать о мимолетности человеческой жизни, когда перед тобой в причудливых узорах туманностей, подсвеченных мириадами звезд, развернулась вечность. Когда Яков вошел в зал, под потолком вспыхнул яркий свет, и он увидел, что большая часть его заставлена спортивными тренажерами. Тут были и беговые дорожки, и велотренажеры, и разнообразные рычажные конструкции, разрабатывающие определенные группы мышц, и снаряды для фитнеса, и штанги, и грифы, и большое количество блинов. Яков застыл на пороге, заворуженно разглядывая все это великолепие, которое встречал далеко не в каждом столичной качалке. И тут до него дошло, что их мозг сканируется и считывается каждую минуту, как открытая книга. Он давно думал о тренажерном зале, это был его излюбленный способ контролировать вес, сохранять тонус и избавляться от стресса на работе. Значит, его настойчивое желание было услышано! Тогда стоило запомнить этот метод пусть и одностороннего, но все же общения с похитителями.

Яков медленно пошел между рядами тренажеров, пробуя тот или иной снаряд и почувствовал, насколько его тело соскучилось без этих систематических нагрузок. И тут ему пришла в голову мысль.

Он спустился в жилую зону, нашел каюту Алисы и робко постучал в дверь. Она открыла не сразу, думала, что это Марь Ванна. В ее потухшем взоре мелькнуло мимолетное удивление, и тут же вернулось выражение полного безразличия.

– Привет Алиса, удивлена? Пойдем я тебе кое-что покажу.....

– Чего я там не видела? – прошелестела она в ответ, собираясь закрыть дверь перед ним.

Он успел подставить плечо, она снова вскинула на него пустые глаза:

– Оставь меня, мне ничего не нужно....

– Я знаю, но не уйду, пошли, мне нужно это тебе показать.

Он протянул руку и схватил ее за запястье мертвой хваткой, она слабо сопротивлялась, бормоча себе под нос: «Не надо меня трогать, оставь меня в покое». Яков вдруг разозлился, резко выдернул ее из-за полузакрытой двери:

– Не пойдешь сама, поведу силой, лучше не сопротивляйся...

Он отпустил ее только на пороге тренажерного зала. Алиса встала как вкопанная, рассматривая изменившуюся обстановку. Яша подошел сзади, взял ее за плечи и подтолкнул

вперед:

– Давай. . . Это то, что тебе сейчас нужно.

С тех пор они стали проводить время в тренажерном зале. Либо встречались уже там, либо Яша будил Алису, определенной комбинацией ударов в дверь, и после пары минут на ее одевание, они уже вместе бежали в зал.

Одновременно с ними, свою порцию маленького счастья получили и Марь Ванна с Каримычем. Почти также неожиданно, как и Яша со своим спортзалом, Марь Ванна набрела на отсек с кинозалом. Вчера еще был большой пустой холл, мимо которого ходили по сто раз, а уже сегодня это был зал с огромным экраном, парой рядов больших удобных кресел, да таких, что и Марь Ванна со своими габаритами могла развалиться с комфортом. И фильмотека их не разочаровала, тут были фильмы многих жанров и исторические, и детективы, и мелодрамы, и документальные. Кто-то хорошо постарался в подборе фильмов для них, будто знал вкусы и пристрастия каждого. Все на русском языке, побывавшие в нашем прокате с 60 –х годов прошлого века, до последних хитов, вышедших на экран на момент их похищения. В условиях дефицита возможностей каким-либо образом разнообразить свой досуг, кинозал тут же стал популярен. Сюда в разное время дня приходили все пятеро, а подчас собирались и все вместе. Смотрели фильмы, и параллельно обсуждали многие вопросы. В основном конечно, те, которые волновали всех: «Куда летим?» и «Что со всеми нами будет?».

– Мы что, так и позволим им обращаться с нами как с подопытными крысами?– с жаром возмутился Заур.

– А мы и есть для них подопытные крысы, ты что до сих пор этого не понял?– спокойно сказала Марь Ванна.

– А что ты предлагаешь нам делать? – с вызовом спросил Заура Ринат Каримович – тепло, хорошо, фильмы крутят советские, кормят отлично, я на свою пенсию в Нижнекамске так бы не прожил. Да, мне тоже родных не хватает, но зато и я для них не обуза.

Заур свирепо глянул на старика, а у самого от возмущения аж желваки заходили:

– Да, что мы стадо баранов что ли? Завтра захотят и по одному всех перережут...

– Ты давай по существу, придумал что-то дельное, так и скажи – замахал на него руками Каримыч – А если нечего предложить, так и не возмущайся, живи себе спокойно, вот как мы с Машей.

У Заура закончились аргументы, но все еще переполняло возмущение позицией Каримыча, он собирался уже на более примитивном уровне объяснить старику, как он с ним не согласен, но тут в диалог вмешался Яша:

– Послушайте, мы летим уже почти месяц, с учетом того, что нас похитили представители какой-нибудь супер цивилизации, мы пролетели уже огромное расстояние от Земли, да что там от Земли, от нашей Солнечной системы, а может быть и галактику Млечный путь успели покинуть, кто

его знает, как быстро перемещается этот корабль. Кто-нибудь знаком с теорией относительности Эйнштейна? хотя бы на самом примитивном уровне

– Ты к чему это? – тихо поинтересовалась Алиса.

– А к тому, что если этот корабль уже месяц летит со скоростью близкой к скорости света, а может и еще быстрее, мы ведь не знаем их технические возможности, то на Земле прошли если не столетия, то уж наверняка десятки лет. Алиса, твоя доченька, наверное, уже бабушка, и ваши внуки, Ринат Каримович, уже взрослые люди. Ну а те из наших родных и близких, кто был уже не молод, когда нас похитили, того наверное уже и в живых-то нет.... Вот такая вот арифметика ... – тихо закончил он.

Повисло тягостное молчание, каждый думал о родных и близких, которых никогда больше не увидит. Образ маленькой дочери встал перед Алисой, и тихие материнские слезы покатались из ее глаз.

Яша приобнял ее:

– Думай о том, что у нее все хорошо, она счастлива, так будет легче, Алиса.

Она закивала, и, утирая слезы, приникла к его плечу. Все смотрели сочувственно, каждому из них было кого терять на Земле.

– Когда в последний раз шел по этапу, мама в Гудауте уже болела, не смогла приехать. Она со старшим братом и его семьей жила. Наверное, ее уже нет в живых, а может и брата

с женой тоже ... -тихо и обреченно, как бы рассуждая самим с собой произнес Заур.

Он впервые откровенно рассказывал о себе, не боясь реакции окружающих и не скрывая по привычке свое прошлое.

– За что посадили-то? – настороженно спросил Каримыч.

Заур горько усмехнулся:

– Не бойся отец, я не убийца, я вор, вор в законе – Он поднял голову и обвел всех взглядом. Все смотрели на него. Он пытался разглядеть в их взглядах укоризну, или осуждение. Но странное дело, даже Каримыч смотрел на него с сочувствием. А он продолжал бравировать:

– Ну что? где ваши упреки? даже камень в меня некому кинуть?– зло бросил он с вызовом.

– Но ведь ты раскаиваешься? – почти шепотом спросила Алиса.

– Нет! Ни о чем не жалею!– в сердцах крикнул Заур – Я больше ничего другого делать не умею, я с пятнадцати лет ворую. Папа нас бросил, когда мне 12 было, а брату 14. Он еще и все деньги прихватил, которые они с мамой копили на квартиру. Она, никогда нигде до этого не работавшая, вынуждена была устроиться уборщицей, образования у нее не было, сразу после школы она вышла замуж за папу. Вот так, работая на трех работах, она сутками тряпку из рук не выпускала, чтобы нас с братом прокормить. Баграт, это мой старший брат, помогал ей, как мог. А я должен был хорошо учиться, чтобы вырасти, получить хорошую специальность

и никогда не нуждаться в деньгах. Так она думала, я был ее надеждой, а стал ее позором – Заур опустил голову, голос его предательски дрогнул. Он замолчал, возникла пауза, ее так никто и не нарушил. Он снова посмотрел на всех, опять не увидел осуждения.

– В первый раз я украл для мамы платок в магазине, у нее как раз день рождения был, а я что? школьник, пацан, решил, что у меня получится, хотел сделать ей приятное. И знаете, у меня тогда получилось, спрятал платок под пальто и спокойно вышел из магазина. Она очень обрадовалась, заплакала, спросила, откуда деньги взял? а я сказал, что стеклотару собирал и накопил, она поверила, я ведь был ее любимчиком, как я мог ей соврать – Заур вздохнул, судорожно протер кулаком глаза, опять задумался, ему никто не мешал вспоминать.

– Ну и дальше – больше ..., страшное это дело – вдруг поверить в свою безнаказанность, особенно ребенку. Скоро мелкие кражи перестали меня устраивать. Меня тянуло на крупные, серьезные дела. Хотел доказать себе, что мне это по плечу. Один знакомый старшеклассник предложил срубить бабла по – легкому. Присмотрели в городе магазин бытовой техники. Хотели взять маленькие, портативные телевизоры и видеомagniтофоны, они тогда в большом дефиците были и только у нас появились. Долго их пасли. Всё про них знали: когда товар привозят, когда инкассаторы приезжают. У них вход на склад был со стороны двора, а у меня в этом доме

одноклассник жил, Петя. Мы с ним не то, чтобы сильно дружили, так... приятелями были. У них четвертый этаж был, и окна в подъезде выходили, как раз на двери склада. Вот на этом подоконнике на четвертом этаже я торчал целыми днями. Двери на склад часто открытыми были, складчик, парень молодой, каждые минут тридцать выходил покурить и двое грузчиков, когда работы не было, тоже рядом были. Конечно, я был не один, Леван, мой поделник из старшего класса должен был отвлечь сотрудников, которые курили у дверей склада, чтобы у меня было время и возможность проникнуть на склад и спрятаться там до закрытия. Я маму заранее предупредил, что у Пети заночую, ну вроде, вместе уроки сделаем, а потом я телевизор останусь смотреть. В общем, так и получилось, Леван заехал к ним во двор на отцовской «пятерке», как раз в четверг около двух часов дня, в это время к ним обычно поставка приезжала, а Леван своей «пятеркой» перегородил подъезд к двери склада. Весь магазин вышел искать хозяина «пятерки», чтобы убрал свою машину, поставщик уже нервничал, у него ведь не только это магазин был в путевом листе, не мог он сбиваться с графика. В общем, мурыжил их Леван минут десять, я за это время спокойно вошел внутрь и спрятался там за коробками с холодильниками. Леван отъехал, товар разгрузили, в восемь вечера магазин закрылся. По плану, в час ночи я должен был отключить рубильник на случай сигнализации и открыть дверь склада, она на массивную металлическую щеколду закрывалась, у меня

и фонарик с собой был. В общем, сидел я за коробками часов до десяти вечера, уже собрался выходить, как вдруг услышал голоса из подсобки. Подкрался тихо к двери, а там заведующий, дядька лет пятидесяти, с новой продавщицей развлекается.... Его многие в городе знали, уважаемый, солидный человек был, жена, трое детей, младшая дочка со мной в одном классе училась.... Я уже испугался, что это на всю ночь, и весь план под угрозой срыва, но слава богу, провозились они еще минут тридцать, потом собрались и уехали. Дальше все было по плану, в час ночи я отключил рубильник и открыл дверь склада. Леван уже ждал во дворе в РАФике с каким-то незнакомым мужиком. Я тогда очень разозлился на Левана, мол, почему про мужика мне не сказал? Он как-то отбрехался, я сейчас уже и не вспомню, что сказал, да только мужик это и был основным организатором, а мы с Леваном так, подсобники. Ну, начали мы грузить коробки с техникой в РАФик, а через несколько минут мусора приехали, их кто-то из дома напротив вызвал. Мне, пока старших вязали, удалось убежать, думал, что в темноте меня никто не увидит. Прибежал домой, злой, голодный, маме сказал, что Петин папа пьяный пришел, у них скандал начался, и я ушел. Мама, как всегда, поверила. А через несколько дней, как-то вечером, к нам домой опера заявили ... Никогда не забуду этот мамин взгляд Вот так, в первый раз я на зону сходил, правда, тогда в колонию для малолеток.... Хорошо, что хоть Багра́т человеком стал, выучился на краснодеревщика,

женился, дети пошли, в общем, мать хоть у его семейного очага немного согрелась.....

Все молчали, каждый по- своему переживал рассказ Заура. А он усмехался:

– Хоть убейте меня, а вот не возьму в толк, зачем я этим похитителям понадобился? У них, что своих воров не хватает?

– Я вообще не понимаю, по какому принципу нас пятерых, таких разных отобрали, и вообще зачем мы им? – пожал плечами Яков.

– Вроде опыты пока на нас не ставят... – заметил Каримыч

– Еще как ставят, Ринат Каримович! – горячо возразил Яков. Он посмотрел на Каримыча и Марь Ванну:

– Кто из вас думал о кинофильмах, о передачах по телевизору?

Они переглянулись, и Марь Ванна сказала:

– Сейчас уже и не скажешь, кто из нас первый заговорил об этом, вроде оба думали....

– А я давно уже думал о тренажерном зале, в Москве ходил в качалку через день, у нас прямо в здании холдинга спортивный зал был для сотрудников, и я после работы сначала в качалку, потом в бассейн. Господа похищенные! у меня предложение, кто хочет бассейн?

Заур усмехнулся:

– Нашел что спросить ... конечно, все хотят!

Остальные закивали, Алиса улыbnулась: «Да, было бы

здорово, большой такой, метров 50 ...».

– А еще я люблю читать исторические романы, я на зоне всю библиотеку перечитал – Заур вдруг улыбнулся открыто, по-детски.

– Отлично, мы все думаем о бассейне, представляем себе голубую воду, кафельные стены, подсветку в воде, все пятеро думаем о бассейне, договорились? – Яков обвел всех взглядом. Все закивали. Тогда Яша посмотрел на Заура:

– Я тоже люблю книги, но как-то о библиотеке здесь не задумывался, я тоже буду думать с тобой, и вы все присоединяйтесь. Давайте посмотрим, как быстро они осуществят наши желания. Не понимаете? После тренажерки я понял, что они читают наши мысли. Да, Заур, тебя, меня, всех нас читают, как букварь. Они видят все наши эмоции, мысли, чувства... Мне кажется, это и есть опыт над нами, за нами просто наблюдают, как за крысами в клетках, сканируя при этом наш мозг. Тогда давайте хотя бы сделаем максимально комфортным наше заточение тут.

– Дело говоришь – согласился Заур – а еще нам нужны часы, хотя бы в этом зале, одни настенные часы, на мне были, когда меня забирали, но здесь я проснулся без часов.

Он задрал голову, сложил кисти рук в форме рупора и закричал в потолок:

– Эй вы! Я не могу без часов, я человек режима, у меня вся жизнь проходила по режимному расписанию.

Большой пятидесятиметровый бассейн и библиотека, ко-

торая могла бы украсить дом культуры небольшого райцентра, появились в течение одного дня. Библиотека на одной из нижних палуб, рядом с кинозалом, а бассейн – в соседнем с тренажерным залом отсеке.

– Есть контакт! – кричал Заур, указывая на большие настенные часы в виде электронного табло, на следующий день появившиеся в кинозале. Яков подошел к нему и, указывая на часы сказал:

– Это твоя заслуга....

– Слушай, первые шесть цифр это часы, минуты и секунды, а второй ряд цифр под ними это что? – спросил Заур.

Яша подумал с минуту и ответил:

– Эти часы отсчитывают время в полете, это значит, что мы летим в этом корабле уже один месяц, шесть дней, 20 часов, 32 минуты и 12 секунд.

Он обернулся, все стояли сзади него и молча смотрели на часы. Позже выяснилось, что такое табло, только поменьше висит в каждой каюте.

– Сколько нам еще лететь? а главное куда?– с горечью спросила Алиса, но ответа на этот вопрос не было ни у кого из них.

«Все субъекты, находящиеся под наблюдением, поняли основной принцип нашего общения с ними, и, теперь провоцируют определенные мыслеобразы, усиливая сигнал в помощью синхронного мышления. Особое внимание прошу уде-

лит *Якову и Зауру, эти два индивида, разумеется, после Даны, могут полностью очищать сознание для передачи нам определенной информации без каких-либо помех. Думаю, что мы почти готовы ко второй стадии нашего исследования»: младший сотрудник Жас Хе.*

«Вот и славно, тем более, что мы немного отстаем от графика, не критично, но все же их стоит поторопить. Давайте запускать вторую стадию, что-то мне подсказывает, что она пройдет гораздо быстрее первой, они очень быстро обучаются»: откликнулся Кхан ГвЭ.

«Слушаюсь»: закончил сеанс связи Жас Хе.

Глава 7

Утром в столовой появился новичок. Его не было в камере губернии среди спящих, и он не проснулся плавающим в невесомости, как Марь Ванна. Это был человек, впервые появившийся среди них с самого начала полета. Он сидел за одним из дальних столиков, положив руки перед собой на стол и уставившись немигающим взглядом в переборку напротив. На вид, лет 45-50, крепкое телосложение, широкие плечи, мощный торс, выпирающие из под плотного серого комбинезона мускулы... Какая-то нечеловеческая сила таилась во всем его облике. Картину дополняло абсолютно каменное выражение сурового, словно высеченного из базальта неумелым скульптором, лица, стальной взгляд глубоко посаженных светло-серых глаз и короткий ежик седых волос.

К нему никто не решился подойти, все стояли поодаль, разглядывая незнакомца. Первым не выдержал Заур:

–Эй, брат, ты откуда тут взялся?

Незнакомец встал и повернулся к ним всем корпусом, не меняя выражения лица произнес:

– Здравствуйте, меня зовут Винсент, можно просто Винс. Я представляю цивилизацию, исследующую космическое пространство. В первую очередь, нас интересует разумная жизнь в самых различных проявлениях и на любых стадиях развития. Мы приветствуем вас на борту космического

корабля, следующего в составе Большой Межгалактической Экспедиции, которая исследует участок космоса, включающий в себя галактику, которую вы называете Млечный путь.

Голос его нельзя было назвать приятным, это была просто механическая комбинация звуков, складывающихся в понятные слова. Перед ними стоял человекоподобный робот, иными словами киборг. Когда он встал и повернулся к ним, все увидели, что он просто огромен, не менее двух с половиной метров в высоту. Все стояли и, молча пялились на Винса. Увидев замешательство людей, Винс сделал попытку приблизиться, это вызвало обратный эффект, люди в панике кинулись к дверям. Но Марь Ванна, которая входила последней, и, соответственно, была сейчас ближе всех к дверям, в попытке быстро покинуть помещение, надежно закупорила выход. В дверях возникла свалка. Это продолжалось с минутой, Яков в ужасе обернулся и увидел, что киборг стоит на месте и безучастно смотрит на их невнятные попытки убежать. Тогда он вдохнул поглубже, зажмурился, досчитал до десяти, выдохнул и повернулся лицом к киборгу. Заур в панике пытался проскользнуть в узкую щель между Марь Ванной и дверцами люка, а в итоге оказался на полу, подмяв под себя Каримыча. Он тоже увидел, что никто за ними не гонится. Встал, помог Каримычу подняться. К тому моменту дамам все же удалось покинуть помещение, и все слышали удаляющийся жуткий вопль в коридоре, несомненно принадлежавший Марь Ванне. И только маленькая отважная собачка ни-

куда не собиралась убежать, а наоборот, выскочила вперед и залилась звонким лаем на огромного незнакомца. Киборг наклонил голову и сконцентрировал своё внимание на Дане. "Сейчас раздавит ее, как таракана": – подумал Заур. Дана вдруг умолкла, завиляла поросычьим хвостиком и подошла к киборгу поближе, как будто узнала старого знакомого. Тот наклонился, молча протянул собачке раскрытую ладонь, и она прыгнула ему на руку, как на маленький столик, поместившись на нем целиком. Люди заворожено наблюдали за этой сценой. Даже Марь Ванна с Алисой, прижавшись друг к другу, вернулись и наблюдали за ними из коридора. В следующий момент, киборг поднес Дану к лицу, и она, похрюкивая от избытка дружелюбия, кинулась вылизывать незнакомцу его грубую физиономию. Все так и стояли в дверях в полном недоумении. Тогда Винс, удерживая Дану в руках, посмотрел на них и сказал:

– Как видите, мы не представляем для вас опасности. У нас есть огромное количество возможностей прекратить жизнь каждого из вас в любой момент времени, но мы ими не воспользовались и не собираемся воспользоваться. Пожалуйста, сядьте и успокойтесь, я пришел всего лишь поговорить с вами.

Когда все уселись, Винс, предусмотрительно сохраняя дистанцию, продолжил:

– Итак, вы находитесь на космическом корабле, адаптированном под вашу форму жизни. Мы, представители одной

из самых могущественных цивилизаций, когда-либо существовавших во вселенной. На данный момент наш Конгломерат объединяет более сотни звездных систем, это миллионы миров, населенных подобными нам, разумными существами. Наша родительская звезда обозначена в ваших земных атласах, как Бетельгейзе в созвездии Ориона. А количество занимаемых нами миров таково, что мы предпочитаем называть себя бетельгейзианцами. Но так, как наши с вами формы жизни отличаются в корне, в основе нашей лежит метан и его производные, а у вас она углеродная, то мы вынуждены общаться через посредника. Но это несколько не умаляет вашей ценности, как носителей разума. Как вы заметили, мы стараемся удовлетворить любые ваши пожелания, сделать ваше, пусть и вынужденное, пребывание тут максимально для вас комфортным. У нас нет, и не было задачи уничтожить ни вас самих, ни вашу родную планету. Мы всего лишь изучаем ваш вариант разумной формы жизни.

– Но вы похитили нас, то есть насильственным образом вырвали нас из привычного круговорота нашей жизни – резонно возразил Яков.

Винс перевел на него взгляд и после секундной паузы продолжил:

– Совершенно верно, мы много лет наблюдали вас в вашей, так сказать, привычной среде обитания, в вашей повседневной жизни. Но вы не единственные разумные существа, обитающие на планете, есть еще те, кого вы называете жи-

вотными. Среди них тоже много разумных видов, но эволюция на вашей планете пошла таким путем, что именно ваш вид стал превалирующим.

– Но это совершенно не объясняет того, почему мы были похищены и помещены сюда – снова возразил Яков.

– Те исследования, которые мы проводим сейчас, предполагают вашу полную изоляцию от привычной жизни, потому что мы изучаем ваш мозг и его поистине безграничные возможности, а ваша повседневная, обыденная жизнь вносит много внешних помех в его работу, и не позволяет выявить некоторые его уникальные особенности.

"Интересно, что во мне, или, допустим, в Каримыче может быть уникального?" – подумала Марь Ванна.

Винс перехватил ее взгляд:

– Ваш мозг, Мария, он для нас ценен и уникален, так же как и мозг Рината, и любого другого из присутствующих тут, а также всех разумных существ, живущих на вашей планете.

Заметив ее удивление, он поспешил ответить:

– Да мы читаем ваши мысли, ваш мыслительный процесс, это как открытая книга для нас, вот его мы и изучаем.

"Почему вы так долго не выходили на контакт?" – подумал Заур и внимательно посмотрел на Винса.

Винс перевел на него взгляд и через пару секунд ответил:

– Вам нужно было время, чтобы привыкнуть к обстановке и к друг другу. Это необходимое условие эксперимента – а немного погода добавил:

– То, что я только что произнес в голос, пару секунд назад я отправил вам телепатически, но вы меня не услышали, я понял это по отсутствию реакции в вашем мозгу. Я тут, для того, чтобы научить вас *слышать* нас , *слышать* друг друга. Способность к телепатии это базовое условие дальнейшего сотрудничества, которое мы вам предлагаем. Вы сможете увидеть и посетить множество планет, как нашего конгломерата, так и миры далеко за его пределами.

Он снова резко повернулся, на сей раз к Алисе:

– Можете, Алиса, вы все это можете. В мозгу каждого из вас есть целые области, отвечающие за телепатию. Но они не развивались в виду того, что эволюция пошла по пути вербального общения, ваш голосовой аппарат взял на себя эту функцию.

– А зачем на все это, Винс? у меня была прекрасная жизнь на Земле и без телепатии... Вы решили за нас, что нам пятерым это нужно? – Яков снова посмотрел на него в упор.

Винс подумал немного и ответил:

– Вы не единственная группа исследуемых, мы отбирали вас по территориально – языковому признаку, по одной группе из каждой области планеты. Но, как вы догадываетесь, телепатия стирает любые барьеры в общении и языковые в том числе. А по поводу того, что вы сейчас сказали, Яков, мы никого не удерживаем насильственно, после того, как были озвучены все условия вашего дальнейшего пребывания здесь и сотрудничества с нами, вы вправе сами решать,

остаться или вернуться домой. Да, это возможно, – он обратил свой взор на подумавшую об этом Алису – мы можем создать переход и вы вернетесь обратно, с единственной поправкой: вы вернетесь на планету, с которой исчезли более двух сотен лет назад. Путешествия во времени не наша прерогатива. Во всяком случае, не здесь, и не сейчас. Обдумайте наше предложение. Я приду завтра, и вы мне скажете: кто хочет вернуться, а кто остаться.

С этими словами, он аккуратно опустил на пол Дану, и не спеша вышел в коридор, а люди так и остались сидеть, переваривая услышанное.

"Перешли во вторую стадию, первый контакт прошел в штатном режиме, без эксцессов. Очень помогло присутствие Даны, этот индивид пока самый перспективный в группе GURE55558914, с Даной налажена связь с момента ее пробуждения, очень надеюсь на ее помощь в достижении телепатического контакта с остальными членами группы. Хотя Дана могла бы уже работать в стадии три, в составе группы DOGS7445885, но у неё тесная эмоциональная связь с Алисой и Марией, и я не буду её изымать из родной группы. Остальные члены вполне готовы к дальнейшему сотрудничеству. Если бы я участвовал в тотализаторе, организованном телекорпорацией ZYTR, я смело поставил бы все на то, что никто не попросится обратно домой": младший сотрудник Жас Хе.

"Осторожнее со ставками, Хе, куратор в соседней группе думал аналогично, и проиграл годовое жалование. У него двое членов группы отправились обратно в далекое будущее своей планеты, что ж и такое бывает... Поздравляю с началом второй стадии, а кто осуществлял контакт?" - спросил Кхан ГвЭ.

"Дуаро Му, он опытный переговорщик, работал с самыми проблемными группами, осуществлял контакт через Винса"

"Почему через Винса? это ведь представитель не их расы"

"Эти углеродные мало чем визуально отличаются друг от друга, в пределах сходных параметров в части гравитации и газовой смеси в атмосферах их планет. Да и вид у Винса внушительный по сравнению с ними. В любом случае, он оказал на них влияние, можете ознакомиться при необходимости со сводками их мыслеобразов. Я думаю, что работать согласятся все".

"Ну что ж, посмотрим завтра, конец связи" : Кхан ГвЭ отключился.

Весь последующий день, после визита Винса люди почти не общались, каждый думал о своем, решал, как поступить, раз уж им выпала свобода выбора.

Каримыч нашел Марь Ванну в парке, сидящей на своей излюбленной скамеечке у фонтанчика, она задумалась, уставившись на воду, по поверхности которой периодически разбегались круги.

– Маша, ты что решила? Останешься?

– А ты веришь этому роботу? Я думаю, если откажусь с ними работать, они меня просто убьют, а остальным скажут, что я вернулась на Землю будущего, это ведь не проверишь – она тяжело вздохнула.

– А я вот, старый осел, ему верю, возвращаться мне все равно некуда, да и не к кому. Так что я остаюсь. Если кто и захочет вернуться, так это Алиса, хотя сомневаюсь...

Заур стоял на пороге тренажерного зала, в приглушенном свете маленьких потолочных софитов, среди большого скопления тренажеров он не мог никого разглядеть.

– Ребята, Яша, Алиса! Вы тут? – позвал он.

– Заур, иди на голос, мы тут прямо у иллюминаторов – громко ответил Яша.

Они сидели на полу в огромном, полутемном зале, расположившись у гигантского космического окна, за которым вселенная, как на ярмарке, выставляла один за другим свои красоты. Рядом, свернувшись колечком и положив плоскую мордочку на лапки, дремала Дана. Заур подошел и уселся рядом с ними.

– Я остаюсь, – сходу сказал он, – сами понимаете, мне терять нечего.

– А мы и не сомневались, что ты останешься – Алиса с улыбкой смотрела на него.

– А ты что решила? – он опустил голову и, глядя исподлобья, улыбнулся он в ответ.

– Я прошу ее остаться – вмешался Яков

Заур не меняя выражения лица, перевел взгляд на него:

– Правильно просишь, давай вместе ее попросим, тогда уж точно останется.

Алиса, вдруг посерьезнела, игривое выражение сошло с ее лица:

– Ребята, вы им верите? То, что они нас не убили и не собираются убивать, во всяком случае пока, это конечно факт и я его не отрицаю. Но возможность, а главное готовность, вернуть нас на Землю, по одному нашему желанию, только потому, что мы не хотим оставаться здесь. Вы верите в эту чепуху? Заур не успел открыть рта, чтобы ответить, как Дана вдруг тявкнула, вскочила, подбежала к Алисе и в прыжке лизнула ее в лицо, да так и стояла, глядя на Алису, повизгивая и громко сопя.

– Что-то она хочет тебе сказать, Алиса – заметил Яша, внимательно наблюдающий за Даной.

– Ты помнишь, как она сегодня пошла целоваться с этим роботом, как будто они тысячу лет знакомы.

Алиса, внимательно следившая за Даной, взяла ее на руки, и, глядя в глаза сказала:

– Дана, если ты понимаешь наш разговор, а скорее всего, ты просто улавливаешь наши мысли, то гавкни три раза.

Ровно три раза, с одинаковыми короткими интервалами, Дана протягивала, также не сводя глаз с Алисы. Алиса поставила ее обратно на пол и посмотрела на сидящих по бокам

Заура и Якова. Все трое потрясенно молчали. Через минуту Яков прошептал:

– Это что же получается, они все разумные и обладают телепатией?

– Кто они? – спросил Заур.

– Животные Земли, все, кроме нас людей – продолжал потрясенный Яков.

– Яша, я бы не была так категорична, животные, как и мы, общаются с помощью звуков. Если бы они все поголовно были бы телепатами, на Земле бы звучала только человеческая речь, и ни одного звериного рыка или воя... Ну ты меня понимаешь. Скорее всего, телепатия среди животных это дар, такой же, как и среди людей. Кто-то умеет от рождения, а кто-то нет. Вот Дана умеет, а мы пока нет – заметила Алиса, потом опять обратилась к Дане:

– Дана, давай договоримся, один раз гавкаешь, когда соглашаешься с нами, а два раза когда нет, хорошо?

Дана ответила: «Да».

– Ты помнишь свою жизнь там, на Земле?

– Да

– Ты хочешь вернуться?

– Нет

– Ты веришь Винсу?

– Да

И тут Заур, следивший за Даной, усмехнулся и посмотрел на Алису и Якова:

– Я представляю, сколько всего ей хочется сказать нам, но мы ведь ее пока не слышим, вот она и вынуждена «дакать» и «некать», бедняжка. Я чувствую себя ммм... как бы это сказать, неполноценным что ли, по сравнению с ней. Удивительная ситуация.

– Да – согласились остальные.

Дана, наклонила вбок голову, как это делают собаки в минуту внимания, и уставилась своими черными выпуклыми глазами на Заура. Он протянул руку и впервые погладил ее по голове, она не сопротивлялась:

– Не переживая, дорогая, мы еще с тобой наговоримся.

На следующее утро, в столовой, все ждали Винса. Он почему-то задерживался. Наконец, створки люка раскрылись, и фигура гиганта появилась в дверях. Он вошел, оглядел всех внимательно, и удовлетворенно кивнул:

– Вы все согласны остаться, это разумное решение. Уверю вас, вам никогда не придется пожалеть об этом шаге. А совсем скоро, через каких-то несколько дней, если измерять время ваши мерами отсчета, вы будете обладать умением, которое заставит вас вспоминать о себе нынешних, как о глухонемых. Не будем откладывать, я жду вас после завтрака в кинозале.

Через минут пятнадцать, все сидели, уставившись на Винсента. В зале висела напряженная тишина. Винс стоял перед рядами кресел, Дана сидела у него на руках и вертела головой, поглядывая то на Винса, то на замерших в ожидании

людей. Наконец Винс произнес:

–Я чувствую напряжение и страх, исходящий от вас. Нужно, чтобы вы доверяли мне полностью. Мария, я не собираюсь причинить вам вред, мы это обсуждали вчера. И ваше решение остаться, это прежде всего жест доверия. . . . Сядьте поудобнее, расслабьтесь и закройте глаза. Очень важно, чтобы вы сейчас не думали ни о чем, представьте себя плавающими в вязкой серой пустоте. . . ., ваше сознание это свободный чистый эфир. . . ., вы парите в этой пустоте открытый любому сигналу, любой информации. . . продолжайте лететь. . .

Винс умолк, оглядел сидящих перед ним. Люди расслаблено сидели в креслах, их головы были откинута назад, глаза закрыты, многим действительно удалось расслабиться, и очистить сознание. Он посмотрел вверх, и в зале погас свет. В этой абсолютной тьме, в полной тишине зала незаметно рождалось нечто новое, незнакомое, но от этого не менее мощное и важное. То, что объединило их всех потом крепкими узами, сравнимыми разве, что с кровными.

Глава 8

Заур послушно закрыл глаза, откинулся в кресле, усилием воли заставил себя не думать ни о чем, в голове продолжал звучать механический голос Винса. Постепенно он ощутил себя маленькой букашкой, плавающей в стакане с густым киселем. Он даже вспомнил зеленовато-салатовый цвет этого киселя, именно такой кисель продавался в буфете гудатской школы из его далекого детства. Незаметно заложило уши, глаза застилала густая непрозрачная пелена, он перестал ощущать свои руки и ноги. Букашка застыла в граненном, захватанном детскими руками, стакане киселя, она не боялась погибнуть, она замерла и отдалась на волю случая. Так продолжалось целую вечность.... А потом возник шум, стакан сотрясали волны звука, он появлялся ниоткуда, из тишины, быстро набирал силу, и моментально исчезал в пустоте, оставляя послевкусие что-то близкого, родного.... Это повторялось много раз, Заур пытался разобрать происхождение этого шума, его природу, но не смог. Он попробовал разложить шум на составляющие и понял, что, ослабевая, чтобы в очередной раз исчезнуть в пустоте, шум напоминает урчание небольшого моторчика. Постепенно он приловчился вычленять отдельные звуки, а еще через какое-то время, понял, что так звучит его имя *З-А-УУУУУРРРРР*. Как только он осознал, что слышит собственное имя, шум

изменился, стал более сложным и звучал по-другому. Через несколько повторов этого нового шума, он уже различал отдельные звуки, которые очень скоро собрал в слова: *«Иди на мой голос....»*, автоматически в его голове сформировался вопрос: *«Кто это? Кто меня зовет?»*. И тут же получил ответ: *«Винс»*. Он испугался и удивился, но следующую секунду почувствовал, как его окатила волна дружелюбия. *«Ничего не бойся, просто иди на мой голос....»*. Больше не было букашки в стакане с киселем, теперь была узенькая тропинка, едва заметная в холодном серебристом сиянии огромной луны. Заур стоял на краю обрыва, боясь посмотреть вниз, над ним, насколько хватало глаз, распростерся гигантский космический шатер. Он набрался храбрости, подошел чуть поближе к краю, глянул вниз и ахнул: внизу, под ним был такой же черный, бесконечно далекий и холодный космос. И только луна, большая серебристая, светила где-то рядом, подсвечивая узкую тропинку, ведущую от его клочка земли в неизвестность... вдруг, на том конце лунного мостика, он различил знакомый силуэт с плоской мордочкой и маленьким по-пороссячьи загнутым хвостиком. *«Дана»*- прошептало его сознание.... *«Иди за ней, не смотри вниз, просто иди за Даной»*.... – опять прозвучало в его сознании. *«Мне страшно...»* – подумал Заур. Дана сидела по ту сторону тропинки и терпеливо ждала его. Усмирив страх и волнение, он сделал первый шаг, не сводя глаз с Даны. Почувствовав под ногами твердую опору, он побежал, что было сил, когда почти уже прибли-

зился к собаке, она вдруг развернулась и понеслась дальше. «Догоняй!...»-пронеслось у него в голове. И Заур послушно побежал за ней. По его ощущениям, они бежали так целую вечность, вообще время, как базовое понятие нашего материального мира тут отсутствовало. Одна секунда могла ощущаться как бесконечность и наоборот. А Заур, все продолжал свой бег по прозрачному зыбкому мостику, раскинутому между мирами, не сводя глаз с бегущей впереди собаки. Он почему-то решил, что если потеряет ее из виду, то останется тут навсегда.... Постепенно менялось окружающее их пространство, тропинка стала шире. Заур осознавал, что вокруг них твердая поверхность. Но свет большой луны больше не освещал их путь, стало заметно темнее, и ему все труднее было различать перед собой маленький, игриво закрученный собачий хвостик. В один момент, он не выдержал и осмотрелся. Небосвод, усыпанный холодными, стальными звездами был далеко над головой, по бокам он едва различил в темноте высокие скалы. Заур отвлекся всего лишь на секунду, а когда он снова посмотрел перед собой, выискивая впереди Дану, то собаки нигде не увидел. Тьма еще больше сгустилась вокруг него, а скалы нависли с обеих сторон. Он похолодел от ужаса, остановился и задрал голову, звезды все также равнодушно взирали сверху, но теперь эта была всего лишь узенькая полоска неба. А скалы по бокам все больше сужали пространство, угрожая окончательно раздавить. От отчаяния Заур закричал: «Дана! Ты где, Дана!». «Ну-ну,

все в порядке, я здесь, рядом с тобой...» – Заур опять почувствовал энергетику Винса, и исходящую от него заботу. *«Ты молодец, почти пришел, продолжай идти вперед, осталось совсем немного».*

Теперь Заур шел гораздо медленнее, в полной темноте, выбирая дорогу на ощупь, как слепой. Пару раз он едва не задевал плечами острые выступы скал по бокам. А через некоторое время ему пришлось пробираться боком, рискуя застрять тут навсегда. И вдруг, впереди замаячила узкая полоска мерцающего света. Это придало ему храбрости, и он интенсивнее зашевелил ногами и руками, продираясь вперед. Полоса света становилась все шире, скалы потихоньку отпускали хватку своих каменных объятий, и скоро уже он выходил на маленькую, круглую, площадку. Это был клочок земли, окруженный со всех сторон все теми же скалами. В центре ее веселыми всполохами горел небольшой костер, у которого сидел Винс. Завидев Заура, он поднялся и подошел к нему, по-дружески, по земному, протянув руку:

– Ну вот ты и пришел... если это потешит твое самолюбие, то ты первый из вашей пятерки....

Заур пожал протянутую руку, в которой могла поместиться не только его ладонь, но кажется и голова:

– А где собака? она ведь бежала впереди и, насколько я понимаю, показывала мне дорогу.

– Дана сейчас ведет сюда Якова, он на подходе....А к чему эти скалы, Заур?

– В смысле? Я их не выбирал....

В интонациях Винса чувствовалась усмешка:

– *Это твой мир, ... Ты его рисуешь в своей голове, а я только принимаю твоё видение.*

Заур потрясенно молчал, руки и плечи нестерпимо ныли от многочисленных ушибов и порезов, но он не знал, что ответить.

Винс продолжил, опять протянув свою руку:

– *Запомни эту площадку с костром, это место будет твоим маяком, а теперь давай ко мне, там намного комфортнее.*

Заур ухватился за руку Винса, как за спасательный круг, а через секунду они уже были на большой каменной террасе, окруженной массивными резными колоннами, с установленными на них факелами. Отсвет пляшущего пламени отражал ошеломление на лице Заура. Он стоял, как вкопанный, и озирался, оглядывая это новое место. Кругом стояли широкие, удобные диваны, и Винс жестом пригласил его присесть. Но Заур не спешил:

– *Как ты это сделал? Куда мы перенеслись?*

– *Это мой мир, я тут бог и царь, считай, что ты у меня в гостях.*

Заур с нескрываемым интересом подошел к перилам и посмотрел вниз. Создавалось впечатление, что вся терраса парит высоко над ночным городом, широко раскинувшимся множеством огоньков далеко внизу, в горной долине, освещенной

щаемой светом трех красных лун. Заур не мог отвести глаз от этой фантастической картины. Винс подошел и встал рядом:

– Оставайся тут, я пока встречу Якова.

Яша, устроившись поудобнее в кресле кинозала, еще долго ощущал некий дискомфорт, он никак не мог сосредоточиться на своих ощущениях, и выкинуть из головы все ненужное. Винс давно умолк, Яша почувствовал, как в зале погас свет, и они погрузились в непроницаемую тьму и абсолютную тишину. Перед закрытыми глазами иногда пробегали красные и фиолетовые всполохи, но полет их быстро обрывался и гас. Он ждал следующий, старался проследить его траекторию подольше и не дать исчезнуть. Яша постарался сосредоточить на них свое внимание, думал о них как о метеорах в своем внутреннем космосе. Так прошло некоторое время, всполохи стали ярче и возникали все чаще, он заворожено следил за их непрерывной игрой, и вот, один из всполохов пробежал перед глазами ярко-сиреневой лентой, да так близко и четко, что Яков успел ухватиться за него, как за воздушного змея, усесться поудобнее на его узкой спинке, непрерывно думая об этом чуде. Как долго продолжался его полет он не знал, рядом параллельно им пролетали другие всполохи, но они вскоре гасли вдали, а тот, который Яша так удачно оседлал, все нес его куда-то в черной вышине... И вот уже впереди показались звезды, а прямо над

ним три большие красные луны. И Яша, с замершим сердцем, понял, что земля далеко внизу. Вдруг, впереди, черным силуэтом на фоне звездного неба возникло какое-то строение, оно все приближалось, заслоняя собой видимый горизонт, пока Яша не начал различать взметнувшуюся вверх готическую крышу, маленькие узкие башенки по бокам, и освещенную мерцающим пламенем открытую террасу в центре. Тут его змей сделал крутой вираж, и Яша, соскользнув с его атласной спинки, мягко опустился на землю. Змей тут же растворился в воздухе, вспыхнув напоследок маленьким сиреневым салютом. Яша огляделся, все вокруг было кроваво красным. Над его головой грозно нависала громада готического замка, далеко внизу простирался большой город, сияющий ночными огнями. Он остановился в нерешительности, не зная, куда идти дальше, но приглядевшись, прямо перед собой увидел узкую прозрачную тропинку, подсвеченную будто-то изнутри красным сиянием. Дана сидела у самого края тропинки и, наклонив голову, внимательно смотрела на Яшу. Как только их взгляды встретились, она повернулась, и побежала по призрачной дорожке. Яша послушно пошел за ней. Она шли по красной тропинке, поднимаясь вдоль внешних стен замка вверх, как по лестнице. Но идти было легко, не смотря на очевидную крутизну подъема, Дана семенила впереди, Яша старался не отставать. Наконец, задрав голову, он увидел конец их пути. Это была та самая терраса, которую он заметил еще в полете. По монументаль-

ности черного силуэта на террасе, освещаемого сзади пламенем факелов, он понял, что там его встречает Винс. А через минуту они уже пожимали друг другу руки, сидя на мягких удобных диванах. Дана, с чувством выполненного долга, восседала, как всегда, на руках у Винса. Рядом примостился Заур. Они оба: Яков и Заур, были до глубины души потрясены всем тем, что произошло с ними. У обоих было такое ощущение, как будто они одновременно умерли в одном месте и возродились в другом, настолько все пережитое не укладывалось в рамки повседневной жизни. Даже впечатление от пробуждения и непродолжительного проживания на космическом корабле, блекло по сравнению с потрясением, вызванным чувством нереальности, иллюзорности происходящего сейчас с ними. Винс только посмеивался:

– Это все реально, вы сейчас находитесь на сеансе связи со мной и друг с другом. А вся эта обстановка – он сделал неопределенный жест рукой – вот это действительно иллюзия, но создаю ее я, потому, что это МОЕ МЕСТО. Вы поймете это потом, сейчас достаточно того, что вы нашли меня, и вы здесь. Считайте сегодняшний день, вторым днем вашего рождения, потому, что прежними вы не будете уже никогда. Связь, которую вы сейчас установили, останется с вами навсегда. Вы будете чувствовать друг друга везде и всюду.

– Как же мне повезло – с сарказмом подумал Заур, и вдруг осекся, осознавая, что его мысли читают и Винс и Яков.

– Да уж, я тоже не в восторге – парировал Яша.

– Так не честно - подумал Яков, глядя на Винса – ты нас читаешь, а мы тебя нет.

Его замечание позабавило Винса, он еще долго улыбался, окатывая их обоих волнами веселого настроения. Наконец они услышали:

– Не спеши так Яша, ты тоже этому научишься, это годы практики. Вы слышите только то, что я даю вам услышать. Вы сейчас гости в моем доме, но для вас открыты далеко не все двери, понимаете? Существует еще много каналов связи. Они различаются по степени интимности. Мы сейчас с вами на самом, так сказать, доступном, поверхностном канале. Работайте над собой, разрабатывайте в себе другие, более глубинные, можно сказать, зашифрованные линии связи, и тогда есть шанс укрыться от нежелательных наблюдателей.

– Есть определенная техника? – в вопросе Заура слышалась слабая надежда

И опять Винс засмеялся.

– Конечно же нет, все очень индивидуально, но основывается на вашем умении сосредоточиться. Ты и Яков пришли сюда совершенно разными путями. Не так ли, моя девочка? – обратился он к Дане, и все трое почувствовали, что она согласилась с ним. А Винс продолжил:

– У вас поистине уникальный мозг, порой нам кажется, что вы не заслуживаете такое совершенство в своей голове,

тем более, что практически не пользуетесь им. Но для угле-
родных, вы достаточно быстро перескочили на тот энерге-
тический уровень, благодаря которому, мы сейчас тут си-
дим и мило болтаем. Кстати, не обязательно при каждом
сеансе связи создавать вокруг целый мир, вот как сейчас.
Есть более экономные, рабочие режимы общения, когда за-
действованы только информативные каналы, без зритель-
ных, вкусовых и тактильных ощущений. В первый раз хочет-
ся проверить, на что вы способны, хотя бы в зачатке, и по-
верьте, для вас двоих результаты отличные. А главное, что
сейчас мы хоть немного дали работы вашему мозгу, учи-
тесь, тренируйте и закрепляйте навыки. Пробуйте делать
это во сне, из бессознательного переход получается проще.

Вдруг он прервался и замер с полуулыбкой на лице:

– Алиса, делает робкие попытки найти меня, и кажется,
Ринат Каримович ее догоняет. Сиди пока, им еще далеко –
удержал он рванувшуюся было Дану.

– А вот Мария решила воспользоваться ситуацией и
немного вздремнуть.... ХорошА. Как я уже говорил, можно,
конечно, и во сне попытаться, так даже гораздо легче, но
она просто спит, без попыток найти меня. Ну что ж, то-
гда я ее сам найду.

Алиса выслушала рекомендации Винса, откинулась на
спинку кресла, запрокинула голову и закрыла глаза. Долго
пыталась не думать ни о чем, ей почти удалось это, но в са-
мый последний момент из темноты на неё выплыло малень-

кое округлое личико Ариши, с обиженно поджатыми губками и полными слез зелеными глазищами. Тут же в горле образовался ком, она часто задышала и поняла, что сосредоточиться не сможет, пока не успокоится. Она снова собралась, постаралась не думать о дочери, но в последний момент образ ребенка опять возник перед ее внутренним взором. Так повторялось несколько раз, Алиса устала и решила больше не пытаться, в конце концов, телепатия это редчайший дар, как она полагала, и дается он далеко не каждому, она, скорее всего не в их числе. Тогда она успокоилась, расслабилась, и когда дочь снова возникла перед ней, она не пыталась прогнать образ, а наоборот, захотела поговорить с ней, успокоить, сказать, что мамочка помнит и любит ее, и любить будет всегда. Это был ее ежевечерний ритуал с первого дня пребывания на корабле. Но Ариша продолжала смотреть на нее с укоризной, ее детский подбородок чуть подрагивал от обиды, а слезы готовы были вот-вот брызнуть из глаз. Алиса мысленно протянула руки к дочери, обняла ее головку и прижала к себе, ощущая под рукой шелковистые детские локоны, ее щека тут же намокла от слез дочери, кажется, она сама тоже заплакала. А потом вдруг ощутила в своей руке детскую ладошку. Ариша взяла ее за руку и молча потянула за собой. Алиса послушно пошла за дочерью. Она смутно осознавала, что они идут по какому-то длинному серому коридору, напоминающему помещению в детском саду, куда она еще совсем недавно каждое утро водила дочь. Но этот

коридор был слишком длинным, и тут явно не хватало света. Покрепче сжав ладошку ребенка, Алиса подняла голову и увидела, что свет в потолочных светильниках совсем тусклый, как бывает при низком напряжении в сети. Они продолжали идти, а коридор становился все темнее и темнее. Тогда она решила взять дочь на руки, чтобы поскорее пройти это неприветливое место. Она наклонилась и с ужасом осознала, что дочери рядом нет. В какой момент она ее потеряла, Алиса не помнила. В отчаянии она остановилась, озираясь в обе стороны коридора уже почти в непроглядной тьме. «Арина! Арина! Где ты?» – кричала она со слезами. Где-то за стенкой вдруг заплакал ребенок. «Арина вернись!...» – рыдая, звала она. Но та бесследно исчезла. Тогда Алиса побежала обратно в ту сторону, откуда они с Аришей сюда пришли. Коридор не отпускал ее, а она все бежала и бежала уже в полной темноте, продолжая звать дочь. В один момент она споткнулась о какую-то неровность и растянулась на полу, больно ударившись бедром. Слезы душили ее, не переставая плакать, она даже не делала попыток подняться. «Как же мне хочется умереть, здесь и сейчас, сдохнуть к чертовой матери тут же, немедленно, на этом полу, в этой темноте, и не испытывать больше эту нечеловеческую боль...» – кричало ее сознание. Алиса продолжала лежать, а тихие, беззвучные слезы все лились, не переставая. Вдруг она услышала цокот маленьких коготков по полу, и через секунду влажный собачий язык уже облизывая ее заплаканное лицо. «Дана» –

устало подумала она, но не пошевелилась. Дана никуда не уходила, терпеливо стояла рядом, повизгивая и перебирая когтистыми лапками. Неожиданно Алиса, почти кожей ощутила исходящую от Даны ласку, сочувствие и бесконечную преданность. Она удивленно повернулась и тут же встретила черный взгляд собачьих глаз. *«Иди за Даной»*— внезапно прозвучало в голове.

— *Кто говорит со мной?*

— *Винс, иди за Даной и она приведет тебя ко мне.*

Алиса поднялась с пола, каждый шаг давался с трудом, но она послушно двинулась за Даной.

— *Винс, тут коридор бесконечный, мы не выберемся*

— *Дана тебя выведет...* — терпеливо ответил Винс.

Они достаточно долго шли в темноте, Алиса почти не видела бегущую впереди Дану, но четко слышала цокот ее коготков. Внезапно коридор резко оборвался, и перед ними возникла дверь. Дана встала на задние лапки, а передними начала скрести дверь. Алиса четко уловила ее желание: *открыть, нужно открыть*. Она подошла поближе и толкнула дверь, дверь не поддавалась, Алиса не могла ее толкнуть не внутрь, ни наружу.

— *Винс, она не открывается!*

— *Алиса, дверь не заперта, успокойся и открой ее...*

Алиса закрыла глаза, чувствуя смертельную усталость, медленно наклонилась и уперлась лбом в холодное дверное полотно. Рядом, где-то внизу, беспокойно суежилась Да-

на. «Открыть, открыть» – Алиса все ловила ее сигналы. Но у нее не было сил на то, что бы даже пытаться открыть эту дверь. Внезапно, светильники на потолке вновь вспыхнули ровным белым светом. Алиса повернула голову и увидела старые, обшарпанные стены, некогда выкрашенные до половины в серую масляную краску. Кругом на полу валялись куски известки, и она продолжала с глухим звуком опадать со стен и потолков. Повернув голову еще левее, Алиса вздрогнула: в конце освещенной части коридора, почти на границе света и тени, стояла Арина. Она была небрежно одета, один носочек сполз с ее худенькой детской ножки, личико было грязным, как будто ребенка много дней не умывали, а в глазах стоял все тот же немой укор. Арина прижимала к себе большую розовую куклу в ярком голубом платице. Эту куклу Алиса подарила дочери буквально накануне своего исчезновения, она еще помнила, сколько радости тогда вызвал у Арины этот подарок. С тихим стоном, сжав зубы до скрежета, Алиса автоматически развернулась, и пошла было в сторону дочери, но внезапно резкая боль в ноге остановила ее. Она вздрогнула и, посмотрев вниз, увидела, что Дана всей пастью впиалась ей в нижнюю часть лодыжки.

– Дана, что ты! С ума сошла?

Дана забежала вперед, ей под ноги, не переставая твердить : «Открыть, открыть. Открыть, открыть»

И тогда, Алиса, бросив последний взгляд на дочь, повернулась к двери и тихо толкнула ее, дверь бесшумно отвори-

лась. Они с Даной переступили порог и попали в полутемное, узкое помещение. Алиса оглянулась, дверь, через которую они сюда попали, исчезла, на месте ее стояла глухая каменная стена. Пахло сыростью и мокрым камнем. Дана опять суетилась где-то рядом у ног: «*идем, идем*», постоянно звала и направляла она Алису. Глаза, привыкнув к темноте, различили начинающуюся у ног узкую винтовую каменную лестницу. Ощупью, упираясь руками о шершавые стены Алиса, поднималась куда-то вверх, следуя за Даной. Где-то на шестом-седьмом витке она заметила пляску теней на стенах, отбрасываемых мерцающим светом. А через несколько ступеней Дана вывела ее на большую террасу, щедро освещенную многочисленными факелами, где ее уже давно все ждали. Винс, улыбаясь, встал Алисе на встречу, протянул обе руки и приобнял, искренне радуясь за ее успехи.

– Ну вот и ты с нами, знаю, этот переход дался тебе очень нелегко, но ты умница, и ты справилась. Поздравляю.

Алиса, оглядела присутствующих и бессильно рухнула на соседний диван. У нее не было сил поддерживать их разговор, видя ее состояние никто ее особо и не беспокоил, и только Дана, присела рядом, заботливо поглядывая на нее и извиняясь за укушенную ногу.

Глава 9

Ринат Каримович Зенбулатов, 68 лет от роду, житель Нижнекамска, пенсионер, вдовец, отец двух дочерей и дедушка трех внуков, твердо решил провести остаток своих дней на этом замечательном корабле. Ему нравилось тут абсолютно все: и питание, и комфортное проживание, и соседи по «несчастью», особенно Маша, такая обаятельная, улыбка и симпатичная... Если бы он встретил такую женщину там, на Земле, то непременно сделал бы ей предложение, и плевать, как бы к этому отнеслись его дочери. Он с удовольствием проводил с ней все свое время с утра и до вечера, гуляя по парку или просматривая вместе фильмы в зале. Его несколько не смущала ее полнота, наоборот, он находил, что именно такой комплекции и должна быть настоящая женщина, а не эти «сухопарые плоские выдры», как он про себя называл современных молодых женщин. Это был его типаж женщины: полная, с внушительными бедрами и большой тяжелой грудью. Это было странно, потому, что до встречи с Марь Ванной, он тридцать лет прожил относительно мирной, супружеской жизнью со своей безвременно ушедшей в мир иной Айшат-ханум. А та всегда отличалась стройным, по-девичьи гибким станом, даже находясь в преклонном возрасте.

Ринат Каримович до сих пор помнил тот день, когда, их

большая семья, по обыкновению собралась ужинать за семейным столом с родителями и младшими братьями и сестрами. Ринат, молодой, 25-летний парень, на тот момент, учащийся вечернего отделения металлургического техникума, только что вернулся с завода, где его после пяти лет работы, наконец, назначили мастером по цеху с соответствующим его должности окладом. Он как раз рассказывал всем за столом эту радостную новость, когда отец, похвалив Рината, вдруг посерьезнел:

– Сегодня встретил старого фронтового друга, Абугалима, если помнишь, я рассказывал, как мы вместе в 43-ем под Курском воевали, тогда и поклялись, что если живы останемся, то обязательно породнимся с ним. Так вот, дочь у него подросла, Айшат зовут, вы виделись с ней много раз, когда еще совсем детьми были, помнишь?

Ринат молча кивнул и вспомнил ту нескладную девчонку, которую он много раз видел, будучи с отцом в гостях у Абугалима. Она ему, тогда еще подростку, не нравилась. И после, уже юношей, он никогда не грезил о ней. А устроившись на завод слесарем, и вовсе позабыл ее, как что-то призрачное из воспоминаний своего детства. Разумеется, ему нравились девушки, и те, что жили по соседству, и те, которых он каждый день встречал в цеху и на улице. Одна из них, соседская девушка Надира, давно нравилась ему, и это была взаимная симпатия, каждое утро, она, как бы, случайно оказывалась во дворе, у своей калитки, а Ринат, как раз, шел

мимо на работу. Сначала это были просто переглядки, а потом она заговорила с ним, он ответил, и с тех пор, он каждый день останавливался ненадолго поболтать с ней. Он все планировал пригласить ее куда-нибудь, да не успел. Все на их маленькой улочке знали о симпатии между ними, знали и родители молодых людей. Но отец, давший другу слово в молодости, распорядился судьбой своего сына по-своему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.